

ЛУКОМОРЬЕ

ВЫДАНИЕ
№ 22
1916

Въ окопѣ.

И. Владимировъ.

ЕСЛИ ВЫ КАШЛЯЕТЕ,

принимайте

ТУССОЛИНОВЫЯ ЛЕПЕШКИ

Медино-Фармацевтического Т-ва, они облегчают отхаркивание, смягчают кашель, очищают грудь от мокроты.

Всѣмъ, кто страдаетъ бронхитомъ, рекомендуется принимать Туссолиновыя лепешки.

Туссолиновыя лепешки рекомендуются всѣмъ, страдающему ватаррою горла, горганъ, бронхитомъ и др.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ:

Въ виду появившихся въ продажѣ поддѣлокъ, вредныхъ для здоровья, требуютъ Туссолиновыя лепешки фирмы Медино-Фармацевтического Т-ва. Каждая коробка снабжена фабричной маркой, рисунокъ которой здѣсь напечатанъ. Безъ фабричной марки на коробкѣ, это есть вредная, нигуда негодная поддѣлка.

Цена 1 коробки Туссолиновыя лепешекъ — 3 р. 50 к.

Главный складъ Медино-Фармацевтического Т-ва: Петроградъ, уголь Невскаго, Садовая, 15, отд. 014.

Библиотека «Вечерняго Времени»

изд. В. А. Суворина.

„ДНЕВНИКЪ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ“

прожившей въ германскомъ плѣну безъ малаго 4 мѣсяца.

Цена 40 коп.

Продается въ кіоскахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и другихъ. Складъ изданія въ редакціи газ. «Нов. Время», Эртелевъ 4.

Альбомъ 2-й
„СИЛУЭТЫ ВОЙНЫ“

Рисунки участника М. ЛИСОВСКАГО.

1914—1915.

Цена 1 руб. 50 коп.

ЛУКОМОРОЕ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на третій годъ изданія 1916-й. Цена на годъ на 3 м.—3 р., на на 1 м.—1 р. 50 к. Деньги просить адресовать: Петроградъ, Невскій пр., д. 40, Конторъ журнала «Лукоморье». Подписка принимается, кромѣ того, въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Ростовѣ на-Дону, Харьковѣ и др.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ-Издатель М. А. Суворинъ.

ВЫТЯЖКА

изъ
**СЪЕМНЫХЪ
ЖЕЛЕЗЪ**

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЯ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.
ЛАБОРАТОРИИ

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотери и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съемная вытяжка лабораторіи Д. Калениченкова наблюдений высылается бесплатно.

Обширная литература по требованію бесплатно.

Одну флаконъ съемной вытяжки въ продажѣ стоить 2 р. 75 к.

пересылка—40 к., пересылка свыше одного флаконъ—бесплатно. 20-ый почтовый сборъ за изложенный платжъ всегда за счетъ заказчика. ☛ Адресъ: Органотерапевтич. лабораторіи Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 347. Телегр. адр. Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Вытяжка изъ съемныхъ железъ изгоняется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически приготовленнымъ сперминомъ.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССИИ ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ отдѣлъ

„TABACS ET CIGARETTES DE LUXE“

SPHINX 10 шт. отъ 40 к.—1 р.

KHEDIVE 10 шт. отъ 20 к.—50 к.

CLASSIC 10 шт. отъ 20 к.—60 к.

АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ фунтъ отъ 5 р.—5 р.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ 10 шт. 15 к. и 20 к. 10 шт. 30 к. и 40 к.

„САФО“ 10 шт. 15 к. и 20 к. 10 шт. 30 к. и 40 к.

„DARLING“ 10 шт. 15 к. и 20 к. 10 шт. 30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собствен. магазинахъ:

Т-во А. Н. Богдановъ и Ко.

„Черноморское Подбережье Кавказа“

(СПРАВОЧНАЯ КНИГА),

изд. М. А. и Б. А. Сувориныхъ,

сост. Ф. П. Доброхотовъ и др., съ предисловіемъ, статей-секретаря А. С. Ермолова, подъ редакціей Н. И. Воробьева.

Подробныя свѣдѣнія для больныхъ, туристовъ, коммерсантовъ и промышленниковъ; много рисунковъ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Нов. Врем. и др., а также въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

Складъ—Контора изданій В. А. Суворина, Невскій, 52 („Веч. Вр.“).

Цена 3 руб. 50 коп., съ перес.—4 руб.

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

ЧЕРЕЗЪ ЦВѢТНЫЯ СТЕКЛА.

Обл. Д. Митрохина.

Цѣна 1 р. 50 к.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬИСЪ ввѣ
ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

НОВЫЯ КНИГИ БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ:

ВЪ СВЯТЯХЪ ПРЕДАТЕЛЬСТВА.

Цѣна 1 руб.

КРОВЬ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ.

Цѣна 1 р. 25 коп.

Русско-Британское Время

945629

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова

Отдел хранения фондов

Изданіе М. А., Б. А. Сувориныхъ и С. С. Талботъ.

Редакторы: Б. А. Суворинъ и А. А. Кашинцевъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ РУССКО-БРИТАНСКОМУ СБЛИЖЕНІЮ,
ТОРГОВЛѢ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Вышелъ изъ печати № 6:

Борьба съ германскимъ ввозомъ и сближеніе съ Англійей и Франціей. — The War on German Imports and the Agreement with England and France. — Электротехническая выставка Селфриджъ. — Очерки Лондона: Королевскій Монетный Дворъ. — Новости техники. — Электрическая самодвижущіяся кресла. — Инструменты для отдѣлки снарядовъ. — Торговый Указатель.

Всѣмъ нашимъ подписчикамъ мы сообщаемъ всякаго рода свѣдѣнія объ англійскихъ товарахъ, указываемъ наилучшіе источники для ихъ полученія, даемъ всякія справки совершенно бесплатно. Съ запросами надлежитъ обращаться ТОЛЬКО ПИСЬМЕННО въ редакцію журнала „Русско-Британское Время“, Петроградъ, Эртелевъ, 11.

Подписная цѣна: двѣнадцать руб. въ годъ

Цѣна отд. номера 1 руб.

Пріемъ подписки и продажа отдѣльныхъ номеровъ во всѣхъ магазинахъ «Новаго Времени» и въ конторѣ изданій Б. А. Суворина, Петроградъ, Невскій, 52 («Вечернее Время»), на имя которой просятъ адресовать и денежные переводы.

Редакція: Петр., Эртелевъ пер., 11. Тел. 129-63 (открыта отъ 4 до 6 ч. д.)

Мишинъ.

Проф. К. Г. Маковскій.

Тучкова набережная.
Е. Е. Лансере.

А. Мановичъ.
Дервня.

ЛУКОМОРОЕ

№ 22.

28 мая 1916 г.

Ц В Ъ Т Ы.

Красавцы плѣшники, въ оковахъ ленты синей,
Изъ вазы мраморной глядятъ съ нѣмой мольбой:
Сквозь крылья ландышей, какъ сквозь узорный
ишей,

Смѣется лиліямъ подснежникъ голубой,
А за большимъ листомъ печальная фіалка
Ждутъ нѣжныхъ мотыльковъ и грезятъ о луиѣ.

Напрасныя мечты!.. Влюбленныя весталки!..
Въ нихъ нѣтъ еще тоски объ отнятой весиѣ,
Въ нихъ нѣтъ еще тоски о сказкахъ яркой даши,
О пляскѣ молнии въ узорѣхъ облаковъ.
Онѣ все влюблены въ тѣ руки, что ихъ сорвали,
И въ слезы свѣтлыя, что грустно унадали,
Изъ чьихъ-то синихъ глазъ въ объятія лепестковъ...

Сергѣй Михѣевъ.

П О Ц Ъ Л У Й.

На громадномъ крейсере спѣшно заканчивались приготовления къ свѣзду гостей. Крейсеръ стоялъ въ глубинѣ небольшой, круглой, представляющей остатокъ бывшаго когда то здѣсь въ незапамятныя, доисторическія времена кратера, удивительно спокойной бухты одного изъ экзотическихъ острововъ Востъ-Индіи. Только что зашло солнце и, какъ всегда въ тропикахъ, мгновенно яркій день смѣнился темной ночью. Ярко горѣли въ небѣ особенно красивыя, казущіяся крупнѣе въ тропикахъ, звѣзды; изъ нихъ на темномъ фонѣ неба особенно ярко выдѣлялся рядъ звѣздъ созвѣздія «Южнаго Креста». Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ какихъ то душистыхъ тропическихъ цвѣтовъ. При вдыханіи полной грудью, казалось, что

лень какую-то удивительно легкую, напоенную разнообразными пряпостями и ароматами, влагу, и быстрѣе почувствовалось, какъ сердце начинаетъ биться сильнѣе, кровь быстрѣе переливаться въ жилахъ, и какая-то легкая, пріятно-сладкая истома охватываетъ все существо... Вдали свѣтились, мерцая, огни небольшого городка, заросшаго пальмами, ліанами, агавами и какими-то пестрыми ползучими растеніями съ удивительно душистыми яркими цвѣтами. На кормѣ крейсера надъ вѣсомъ ютомъ былъ растянутъ громадный парусинный тентъ, съ широкими, спускающимся до самой палубы полками. Всюду стояла масса цвѣтовъ и растеній. Весь тентъ былъ красиво увѣшанъ живописными гирляндами. На

рубкѣ вахтеннаго начальника примостился туземный оркестръ. Музыканты, по преимуществу негры и нѣсколько мулатовъ, въ костюмахъ, напоминающихъ одѣянія морскихъ капитановъ въ опереткахъ, размѣщались со своими шонитрами и нотами и, усѣвшись, сейчасъ же начали настройку своихъ инструментовъ. Капельмейстеръ, высокій, худой, молодой мулатъ, съ ярко горящими красивыми, первыми глазами, что-то объяснялъ, нагѣвая, сильно жестикулируя и стуча палочкой по шопитру, валторнисту, толстому, губастому негру съ туннымъ выраженіемъ лица. Матросы и офицеры суетливо бѣгали по юту, разставляли мебель и устраивали уютные уголки. Какой-то матросикъ посыпалъ палубу бѣлыми порош-

комъ, готова ея для танцевъ. Внизу въ батареейной палубѣ, въ такъ называемомъ пятомъ плутоугѣ, гдѣ стояли 4 крупныя орудія, устроили американскій баръ: разставили маленькіе столики, водрузили стойку, за которую всталъ, согласившійся быть барменомъ, веселый, жизнерадостный мичманъ баронъ Отенъ, большой знатокъ и любитель всевозможныхъ коктейлей и другихъ разнообразныхъ напитковъ, приготавливаемыхъ въ барахъ. Онъ что-то весело и дѣловито объяснялъ молоденькому, розовому, хорошенькому мичману Сокольскому, предложившему быть его помощникомъ въ барѣ. Веселье и оживленіе царило повсюду. Около крейсера было свѣтло какъ днемъ, такъ какъ борта и мачты были иллюминированы массой электрическихъ лампочекъ, бриллиантовыми рядами окаймлявшихъ стройныя очертанія крейсера.

У одного изъ маленькихъ столиковъ на ютѣ, въ уютномъ уголкѣ подъ красивой пальмой съ узорчатыми листьями мечтательно покачивался въ лонгшезѣ мичманъ Спарскій, высокій, красивый молодой человекъ съ большими сѣрыми, выпуклыми глазами и породистымъ лицомъ. Кругомъ корабля была полнѣйшая тишина, слегка обвѣвало лицо свѣжее, пѣжное дыханіе пассата—этого благодѣтеля Вестъ-Индія, благодаря постоянному вліянію котораго, климатъ въ большей части ея удивительно мягокъ и пріятенъ. Спарскій полной грудью вдыхалъ воздухъ острова и казалось, что онъ просто кейфуетъ, но лицо его было серьезно и задумчиво. Онъ о чемъ то размышлялъ, машинально покусывая свои красивые губы. Сынъ помѣщика Средней Россіи, стараго дворянскаго рода, предки котораго сидѣли въ Боярской Думѣ и правили воеводствами, онъ унаслѣдовалъ отъ нихъ любовь къ красивой жизни любилъ веселье, женщинъ и всегда искалъ ихъ, ухаживая и увлекаясь своеобразностями каждой. Тропики съ ихъ особенной рѣзко-оригинальной природой, яркое солнце, такое свѣтлое и жгучее, могучая, роскошная растительность, особый, напоенный всевозможными ароматами воздухъ и, наконецъ, темныя, темныя тропическія ночи съ крупными, ярко мерцающими въ небѣ звѣздами—все это сильно дѣйствовало на него, создавало какое-то особое новое настроеніе. Все было такъ необычайно, такъ странно-пріятно.

Сегодня онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ свѣзда гостей, сердце билось учащеннѣе, все внутри было напряженно. Здѣсь на борту огромнаго русскаго крейсера, такъ далеко на другой край свѣта ушедшаго отъ своихъ братьевъ, окруженныхъ въ это время льдами и снѣгами въ портахъ Балтійскаго моря, въ сказочной, необычайной обстановкѣ тропиковъ, онъ долженъ былъ въ третій и, кажется, послѣдній разъ встрѣтиться съ милой, обаятельной, сильно заинтересовавшей его дѣвушкой.

Первый разъ они встрѣтились на балу у губернатора острова, устроенномъ на второй день прибытія крейсера въ эти гостепріимныя воды. Получивъ официальное приглашеніе губернатора прибыть къ 9-ти часамъ на балъ, компан-

диръ и нѣсколько молодыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и Спарскій, съ головы до ногъ во всемъ бѣломъ, веселые и оживленные, около 9-ти отвалили на паровомъ катерѣ отъ корабля и пошли къ губернаторской пристани. Тамъ ихъ уже ожидали парше экипажки съ черномазыми возницами въ блестящихъ цилиндрахъ и длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ съ крупными пуговицами. Прекрасныя лошади дружно взяли съ мѣста и коляска быстро и мягко покатились по ровной дорогѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ стройными, высокими королевскими пальмами, увѣнчанными верхушками съ красивыми стрѣльчатыми листьями. При встрѣчѣхъ съ другими экипажами и съ многочисленными пѣшеходами кучера звонили въ колокольчики, прикрѣпленные съ лѣвой стороны козелъ. Прохожіе, по преимуществу мулаты и негры, въ бѣлыхъ платьяхъ, сверкая громадными черными глазами, весело улыбаясь, показывая при этомъ ослѣпительные бѣлые зубы, быстро сторонились и исчезали въ ночной мглѣ. Какъ то странно и незнакомо, необычайно было слышать вмѣсто обычныхъ окриковъ нашихъ кучеровъ эти звякающіе, звучно, звучно слышныя въ ночной тишинѣ колокольчики... Коляска быстро мчалась впередъ. Рѣзвыя, горячія лошади, согласно стучали копытами и, похрапывая и поводя ушами, весело бѣжали по прекрасной выложенной плитнякомъ мостовой...

Черезъ 20 минутъ этой быстрой пріятной ѣзды, коляска, нырнувъ предварительно въ глубокую, похожую на величественный готическій гротъ, аллею, въѣхала на широкой съ распланированными дорожками дворъ губернаторской загородной виллы и остановилась у красиваго, украшеннаго колоннами, подъѣзда. Вилла—бѣлый двухъ-этажный домъ въ выдержанномъ мавританскомъ стилѣ, густо, густо заросшая дикимъ виноградомъ, плющемъ и лианами, ярко освѣщенная, была удивительно красива.

Гостей вышли встрѣчать самъ губернаторъ съ губернаторшей. Губернаторъ, высокій, красивый старикъ съ представительной наружностью англійскаго джентльмена, съ моноклемъ, безукоризненнымъ проборомъ и съ густыми усами,—губернаторша, то же высокая, нѣсколько полная, молодая дама, съ матово-блѣднымъ лицомъ, была очень интересна. Привѣтствовавъ офицеровъ, они провели ихъ на широкой, обставленный цвѣтами и зеленью балконъ, гдѣ уже собралось много гостей. Начался веселый, легкій бальный разговоръ. Спарскій не сразу познакомился съ миссъ Элленъ; сначала онъ протанцовалъ медленный, плавный вальсъ съ сестрой губернаторши миссъ Меджеръ, веселой, хорошенькой, разбитной, американской складки барышней и лишь затѣмъ, весело болтая съ ней, онъ замѣтилъ недалеко отъ себя, сидящую въ глубокомъ лонгшезѣ стройную дѣвушку небольшого роста съ пучельными, густыми, слегка вьющимися волосами, громадными, какъ то загадочно мерцающими изъ подъ длинныхъ пушистыхъ рѣсницъ, темно

голубыми глазами. Пязцо шитое, скромное, легкое бѣлое платье, красиво облегалo ея фигуру. Дѣвушка, задумчиво улыбаясь, слушала рассказъ пожилого господина, представительной наружности, повидимому американца, сидѣвшаго около нея. Спарскаго поразила и привлекла ея оригинальная красота. Наклонившись къ своей весело болтающей дамѣ, онъ осторожно началъ разспрашивать о поразившей его дѣвушкѣ. Веселая миссъ Меджеръ быстро зашептала, что дѣвушку зовутъ Элленъ Найтъ, и что она пріѣхала въ Вестъ-Индію изъ Канады со своей матерью, которой доктора прописали путешествіе сюда въ виду ея разстроенаго здоровья, и что онѣ родомъ изъ Монреаля, гдѣ и живутъ постоянно. Спарскій попросилъ его представить и черезъ нѣсколько минутъ уже разговаривалъ съ миссъ Элленъ и ея матерью, худенькой, пожилой дамой съ утомленнымъ лицомъ и грустными, красивыми, похожими на глаза дочери, глазами. Протанцовавъ съ миссъ Элленъ модный тогда ту-степъ, Спарскій сѣлъ съ ней въ углу балкона у красиваго, усыпаннаго душистыми цвѣтами дерева и вступилъ въ оживленную бесѣду. Миссъ Элленъ оказалась удивительно интересной собесѣдницей. Начитанная и образованная, она легко и непринужденно вела разговоръ, и все больше и больше заинтересовывала Спарскаго. Она съ большимъ удовольствіемъ вспоминала свой родной городъ Монреаль, рассказывала про свою жизнь тамъ. Отецъ ея, генералъ колониальныхъ войскъ, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставивъ матери и ей пенсію и небольшое состояніе. Послѣ блестящей жизни до смерти отца, онѣ стали жить гораздо скромнѣе. Гости бывало мало, такъ какъ мать была очень слабого здоровья и любила больше всего уединеніе и тишину... Спарскому нравилось въ этой дѣвушкѣ все: ея манера говорить, удивительная естественная грація, начитанность и угадываемая имъ душевная чуткость. Онъ видѣлъ и чувствовалъ, что миссъ Элленъ тоже не совсѣмъ равнодушна къ нему и съ удовольствіемъ ищетъ его общества. Новая для Спарскаго экзотическая обстановка, пріятный, дурманящій запахъ цвѣтовъ, все это кружило голову, будило затаенныя, знойныя желанія—хотѣлось любви, близости женщины... Ужинали вмѣстѣ. Спарскійпилъ искрящееся, замороженное шампанское и чувствовалъ какъ кровь горячей волной приливаетъ къ сердцу... Послѣ ужина гости гуляли по саду и любовались звѣздной тропической ночью. Спарскій сидѣлъ съ миссъ Элленъ на маленькой садовой скамеечкѣ и слушалъ странный, неумолчный, мелодическій, похожий на звогъ крошечныхъ серебряныхъ колокольчиковъ, крикъ маленькихъ безчисленныхъ лягушекъ, прячущихся въ густой травѣ и водящихся, кажется, только въ этой волшебной странѣ. Временами, какъ огненные метеоры пролетали свѣтящаяся жуки, яркими струями бороздили они почную мглу. Поздно ночью балъ окончился. Спарскій проводилъ миссъ Элленъ до экипажа и возвратился на корабль. Лежа въ койкѣ, онъ долго

не могъ заснуть. Въ правильное круглое отверстие каютнаго иллюминатора смотрѣлъ, вспыхивая и переливаясь яркими радужными огнями лучезарный Сиріусъ, отраженіе котораго въ зеркалѣ слегка освѣщало стройнымъ перемѣннымъ свѣтомъ внутренность каюты. Наверху слышались мѣрные шаги часового, по времени бряцавшаго ружьемъ. Грелись сіиіе глубокіе глаза миссъ Элленъ, слышался милый ея голосъ...

На слѣдующій день Снарскій, веселый и бодрый катался по рейду подъ парусами на катерѣ съ молодыми матросами, обучая ихъ тонкостямъ морского дѣла. Вернувшись къ завтраку на корабль, онъ узналъ, что получено

приглашеніе отъ русскаго консула отправиться верхомъ большою кавалькадой съ дамами на противоположный конецъ острова, къ такъ называемой Акульей Бухтѣ, гдѣ предполагалось устроить пикникъ и рыбную ловлю. Въ надеждѣ встрѣтить снова миссъ Элленъ, Снарскій попросилъ старшаго офицера записать его въ число ѣдущихъ на пикникъ и послать вѣстоваго на берегъ заказать верховую лошадь. Въ половинѣ четвертаго въ желтыхъ башмакахъ и гетрахъ, плотно облегающихъ ноги, въ штатскомъ во всемъ бѣломъ, съ большимъ пробковымъ шлемомъ на головѣ, Снарскій съ нѣсколькими другими офицерами, участ-

никами пикника, съѣхалъ на берегъ.

День былъ прекрасный, ослѣпительное солнце яркимъ свѣтомъ заливало землю. Лучи солнца пробивались сквозь густую листву банановъ и одеандровъ, весело играя разноцвѣтными зайчиками по стволамъ и травѣ. Съ моря дулъ пріятный, легкій вѣтерокъ. До назначеннаго консуломъ часа оставалось еще довольно много времени, поэтому веселая кучка молодежи, остря надъ моряками, ѣздящими верхомъ, зашла въ маленькій рестораничекъ, расположенный у самаго моря. Онъ содержался веселымъ мулатомъ, прекрасно дѣлавшимъ коктейли. Всѣ заказали по стакану вер-

муть-коктейля, усѣлись за маленькими бѣленькими столиками, пили вкусную, пѣнистую жидкость и, весело смѣясь, разбирали достоинства и недостатки мѣстных дамъ... Выпивъ коктейль и, взглянувъ на часы, все вышли на улицу и, продолжая оживленно болтать, вскочили на лошадей и быстро помчались вверхъ по главной улицѣ городка, и черезъ нѣсколько минутъ веселая группа моряковъ остановилась у дома консула. Въ гостиной уже сидѣли участницы предстоящей прогулки въ амазонкахъ и широкихъ шляпахъ, обвязанныхъ длинными вуалями съ развѣвающимися концами. Спарскій не ошибся, миссъ Элленъ была среди нихъ. Миссъ Элленъ обрадовалась, увидѣвъ Спарскаго и, весело улыбаясь, стала рассказывать ему, какъ долго мать не хотѣла пускать ее ѣхать сегодня верхомъ, боясь опасныхъ обрывистыхъ дорогъ и довольно дикой мѣстности у Акульей Бухты.

Консулъ громко объявилъ, что все готово. Все вскочили на лошадей и быстро помчались впередъ, предводительствуемые миссъ Меджери и мистеромъ Дикомъ, сыномъ американскаго консула. Дорога была живописна удивительно. Она крутыми изгибами подымалась на горный хребетъ, тянувшійся вдоль всего острова... Далекое, вѣщающее раскинутое городъ, весь утопающій въ цвѣтахъ и зелени и амфитеатромъ подымавшійся отъ моря къ хребту. Акулья Бухта находилась за перева-

ломъ по другую сторону. Чѣмъ выше поднимались, тѣмъ все обширнѣе и живописнѣе открывался видъ. Громадный четырехъ-трубный крейсеръ казался маленькимъ игрушечнымъ кораблемъ на фонѣ зеркальной поверхности сине-изумруднаго моря. Красивыя рощи высокихъ кокосовыхъ пальмъ съ висющими на нихъ крупными орѣхами, рѣзко выдѣлялись у воды. Всюду было масса зелени, — крупныя, разнообразныя, пестро окрашенныя цвѣты струили тонкій ароматъ, разносившійся по всему острову. Дорога сплошь кругомъ заросла кактусами самыхъ разнообразныхъ формъ, видовъ и размѣровъ, способныхъ восхитить и очаровать любителя. Изрѣдка попадались маленькіе негритинскіе домики съ зелеными ставнями и красными крышами, около которыхъ толпились, играя и бѣгая, потѣшные полуголые, а иногда совсѣмъ голые, негритинскіе ребятишки, оставившіеся при проѣздѣ кавалькады и любознательно во все глаза смотряшіе съ застывшими въ ротъ указательными пальцами, на рѣдкое для нихъ зрѣлище.

Миссъ Элленъ и Спарскій, оба превосходные ѣздоки, быстро мчались впередъ за мистеромъ Дикомъ и миссъ Меджери, нисколько не наклоняя головы отъ бившихъ въ лицо вѣтракъ съ душистыми цвѣтами...

Скоро вѣхали на высшую точку перевала. Все остановились на нѣсколь-

ко минутъ, чтобы полюбоваться открывшеюся великолѣпною панорамой.

Почти весь островъ съ его живописными, глубоко врѣзавшимися въ сушу бухточками рѣзко очерчивался передъ глазами. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ удивительно. Вдали маячили, синѣя, красивыя группы Виргинскихъ острововъ, извѣстныхъ тѣмъ, что на нихъ въ изобиліи растетъ «Bay-Tree», дерево изъ породы лавровыхъ, съ небольшими, блестящими, сильно пахнущими листьями, спиртовой настой которыхъ, извѣстный подъ названіемъ «Bay-Rum», въ красивыхъ оплеченныхъ бутылкахъ съ изображеніемъ большого зеленого листа можно найти въ хорошихъ парикмахерскихъ всего міра.

Съ перевала была отлично видна Акулья Бухта—цѣль прогулки. Она образовала глубокой, узкой вырѣзъ въ сушѣ и вся сплошь кругомъ обросла могучей, роскошной, тропической растительностью. Съ одной стороны ея подымались высокія, обрывистыя скалы, въ которыхъ билъ неумолчный прибой. Другой берегъ былъ пологій, мягкій, низкій, ровпо спускающійся къ морю, покрытый серебристымъ пескомъ и весь усыпанный массой, выброшенныхъ моремъ, самыхъ разнообразныхъ формъ ракушекъ, известковыми остатками погибшихъ морскихъ ежей и звѣздъ и обломками разноцвѣтныхъ коралловъ. На нескѣ сидѣла масса пеллкановъ со смѣшными, отвисшими подъ клювами мѣши-

Общій видъ Ливенгофа.

Рис. Р. Френца.

ками, наполненными мелкой рыбешкой, которую они ловили въ водахъ бухты. Медленно спустившись по совѣтъ дикой, сплошь заросшей дорогѣ кавалькада остановилась на великолѣпной ровной лужайкѣ, поросшей изумруднымъ ковромъ густой, невысокой травы, съ которой открывался великолѣпный видъ на всю бухту. Соскочивъ съ лошадей, молодежь столпилась около мистера Дика, интересно разсказывающаго о томъ, что бухта не даромъ получила названіе Агулей. Эти отвратительныя, кроважадныя созданія избрали ее своимъ постояннымъ, излюбленнымъ убѣжищемъ. Въ видѣ иллюстраціи къ своему разсказу мистеръ Дикъ указалъ на четыре характерныхъ большихъ треугольных плавника, показавшихся на серединѣ бухты и бороздившихъ ясную гладь ея воды.

Ранѣе прѣхавшіе черныя слуги хлопотливо устранили чаі на онуикѣ небольшой рошцы высокихъ кокосовыхъ пальмъ со слегка, какъ будто бы подъ тяжестью широкихъ вѣнценосныхъ вершинъ, искривленными тонкими длинными стволами...

Въ это время къ обществу подошли четыре высокихъ, сильно загорѣлыхъ мужчины съ энергичными бронзовыми лицами, съ широкими изъ подъ подбородка растущими бородами. Костюмы ихъ напоминали одежды французскихъ крестьянъ времени Жакерій. Говорили они на какомъ то странномъ языкѣ, въ которомъ встрѣчалось много французскихъ словъ. Оказалось, что это мѣстные рыбаки по происхожденію нормандцы, предки которыхъ около трехсотъ лѣтъ тому назадъ эмигрировали изъ Франціи въ Вестъ-Индію.

Рыбаки быстро развернули принесенную съ собой длинную сѣть, сложенную какими-то особой формы клетками изъ тонкихъ кружковыхъ нитокъ. Двое вскочили въ легкій, выдолбленный изъ дерева, челнокъ, быстро загребли, удаляясь отъ берега, а два другихъ во всей одеждѣ вошли въ воду по поясъ. Одинъ изъ оставшихся на берегу, собравъ сѣть, удивительно ловко, быстро, гибкимъ движеніемъ закинулъ ее въ воду, такъ что длинная сѣть вся растянута въ водѣ, а конецъ ея съ бичевой попалъ на челнокъ, довольно далеко отплывшій отъ берега. Челнокъ быстро, полукругомъ сталъ подплывать къ берегу. Рыбаки осторожно подтаскивали сѣть, въ которой уже были видны трескавицы и поблескивавшія рыбы...

Подойдя вплотную къ берегу, рыбаки быстро вытаскивали челнокъ на песокъ, и, сойдясь вмѣстѣ, осторожно выбрали сѣть. Ловъ оказался удаченъ. Сѣть была полна рыбой самыхъ разнообразныхъ породъ. Тутъ были и небольшія узкія, изящныя рыбки, съ большими черными, красиво отороченными золотистой каймой глазами и удивительно ярко блестящей чешуей серебристаго цвѣта, были рыбы, поражающія нестройностью своихъ яркихъ цвѣтовъ и диковиными, невиданными формами. Очень интересны были двѣ большія рыбы съ твердымъ костястымъ тѣломъ въ видѣ

кузовка и съ удивительно напоминающей лошадиную головой, съ такими же какъ у большинства большими темносиними, кроткими глазами. Странны и непріятны были молодые скаты, — какіе-то прозрачныя, студенистыя, неправильной, уродливой формы...

Полюбовавшись рыбами, молодежь отправилась пить чай. Спарскій сѣлъ около миссъ Элленъ, пилъ вмѣстѣ съ ней изъ широкихъ плоскихъ чашекъ душистый, крѣпкій чай и угощалъ ее вкуснымъ, густымъ, золотисто-янтарнаго цвѣта ликеромъ изъ гуавы, искуснымъ приготовленіемъ котораго славился островъ.

Ликеры и вина внесли еще больше оживленія въ общество, все весело шутили и смѣялись.

Спарскій любовался миссъ Элленъ. Глаза ея разгорѣлись, лицо отъ жиды и выпятаго ликера слегка порозовѣло, небольшія пряди непослушныхъ волосъ образовали пушистый вѣничикъ, красиво отблывшій лицо.

Хотѣлось любви, ея поцѣлуевъ и ласки... Назадъ возвращались передъ самымъ заходомъ солнца.

Спарскій опять мчался рядомъ съ миссъ Элленъ, пожимая украдкой иногда ея маленькую, изящную, закинутую въ шведскую перчатку, ручку. Она часто поворачивалась къ нему своей милой головкой весело кокетничала и смѣялась. Спарскій чувствовалъ себя совѣмъ влюбленнымъ, столько очарованія и прелести было въ этой славной дѣвушкѣ.

На перевалѣ всѣ на минуту остановились, чтобы полюбоваться вечернимъ закатомъ. Картина была удивительная.

Солнце медленно скрывалось въ безбрежномъ океанѣ, по которому легко бѣжала мелкая рябь отъ дунаго съ берега вѣтерка. Небо на западѣ было окрашено вѣснымъ переливчатымъ свѣтло-изумруднымъ цвѣтомъ, края же облаковъ были окаймлены полосами розоваго и пурпурнаго цвѣта. Выше, цвѣтъ неба постепенно изъ изумруднаго переходилъ въ свѣтло, а потомъ темно-синій. Какія-то красивыя пестрыя птицы звонко, мелодично, перекликались въ таинственно темнѣющей чащѣ лѣса... Скоро вѣхали въ городъ. Стукъ копытъ четко раздавался въ вечерней тишинѣ. Спарскій провожалъ миссъ Элленъ. Она

Изъ альбома Д. Митрошина.

жила на берегу моря въ небольшомъ, съ широкими итальянскими окнами домикѣ. У самаго домика росло громадное, съ широкой развѣтвеной верхушкой хлѣбное дерево, круглыя, похотіе на младенческія головы, плоды котораго висѣли надъ головой, теряясь въ густой листвѣ. На улицѣ было пустынно. Спарскій соскочилъ съ лошади и, подавъ руку миссъ Элленъ помочь ей спрыгнуть на тротуаръ. Ожидавшій у воротъ низенькій желтокожій старій мулатъ принялъ ея лошадь и увелъ въ сторону. Побесѣдовавъ нѣсколько минутъ и пригласивъ миссъ Элленъ на завтра на устраиваемый на крейсерахъ вечеръ, Спарскій взялъ ея ручку, быстро поднесъ къ губамъ и поцѣловалъ. Миссъ Элленъ руку не отняла, но вся вздрогнула и потупила глаза. Стукнула калитка и къ нимъ подошла хорошенькая, смуглая мулатка, служанка миссъ Элленъ и доложила, что миссесъ Найтъ идетъ ее на балконъ. Спарскій раскланялся, вскочилъ на лошадь и быстро помчался къ пристани.

Возвратившись на корабль, онъ долго съ задумчивымъ видомъ ходилъ по юту, вспоминая миссъ Элленъ. Хотѣлось безумно, хотѣлось обнять ее, прижать и цѣловать въ красивыя розовыя, рѣзко

очерченные губы... Хотѣлось думать о ней, думать такъ, какъ еще не думалъ ни объ одной изъ женщинъ. Эта дѣвушка заронила въ сердце, въ душу его какое-то новое, чувство, чувство готовое разгорѣться въ настоящую любовь, какою любить только разъ въ жизни...

Къ 9 часамъ вечера приготовления къ приему гостей закончилась.

Въ началѣ десятого въ каютъ-компанин, раздался длинный авральный звонокъ, офицеры прифранченные, во всемъ бѣломъ, поспѣшно выскочили наверхъ. Подѣзжали гости. Паровые катера, везли на буксирѣ большіе судовые баркасы, къ ярко освѣщеннымъ и красиво декорированнымъ разноцвѣтными флагами и устланнымъ ковровыми дорожками трапамъ. По два молодыхъ мичмана встали на нижнихъ площадкахъ почетными фалрейнными и, протянувъ фалрена, помогали дамамъ выходить изъ шлюпокъ.

Сразу весь корабль наполнился оживленіемъ, слышался женскій смѣхъ и голоса, столь необычные для военнаго корабля. Снарскій подошелъ къ миссъ Элленъ. Въ легкомъ изящномъ бѣломъ платьѣ, вышитомъ серебромъ съ широкой серебряной лентой въ волосахъ,

миссъ Элленъ была интересна удивительно.

Прошло около трехъ часовъ—балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Фигуры танцующихъ паръ плавно скользили подъ веселые звуки вальса изъ «МиссъГибсъ», веселье и оживленіе царили кругомъ, даже командиръ, маленькій краснолицый и толстый, забывъ свой важный видъ, весело танцевалъ съ высокой и худой супругой русскаго консула, отдуваясь, нытя и забавно сѣменя короткими ножками. Снарскій сидѣлъ съ миссъ Элленъ въ своей каютѣ и, казалось, оживленно рассказывалъ ей о своихъ впечатлѣніяхъ отъ пребыванія въ этихъ краяхъ. Миссъ Элленъ, казалось, внимательно слушала его. Но взгляды ихъ говорили не о красотахъ тропической природы. Горячія страстно-знойныя желанія подымались у Снарскаго и миссъ Элленъ своимъ женскимъ чутьемъ чувствовала это. И вдругъ, какъ то невольно она коснулась ея руки и она такъ-же невольно прильнула къ нему. Снарскій схватилъ ея голову и нагнувъ, влился жгучимъ, страстнымъ до боли, поцѣлуемъ въ губы... Элленъ сначала отвѣчала на его поцѣлуи, но потомъ вздрогнула, вырвалась изъ его объ-

ятій, и вышла изъ комнаты. Снарскій бросился за нею и нагналъ ее ужъ въ каютъ-компанин. Тамъ было пустынно, только по серединѣ въ уютномъ уголкѣ, на маленькомъ удобномъ диванѣ сидѣла миссъ Меджери и весело кокетничала съ барономъ Отеномъ...

Надъ головами уже стихалъ веселый ритмическій шумъ каблучковъ танцующихъ паръ. Балъ приходилъ къ концу.

Снарскій проводилъ миссъ Элленъ до пристани и долго смотрѣлъ влѣдъ увозившей ее коляски.

На слѣдующее утро съ подъемомъ флага крейсеръ снялся съ якоря и сталъ медленно отходить. Снарскій стоялъ на ютѣ и не сводилъ глазъ съ дома Миссъ Элленъ. Въ первый разъ въ жизни уходилъ онъ въ море съ такимъ чувствомъ тоски и отчаянія. Вѣдь и раньше бывали интересныя встрѣчи, увлеченія, а такая тоска, никогда! Точно неумолимая судьба хотеть отнять, вырвать изъ сердца, изъ души его что-то прекрасное, большое и такое дорогое! Нѣтъ, нѣтъ не можетъ быть, чтобы это большое дорогое исчезло такъ, какъ постепенно изъ глазъ этотъ островъ, покрывался синей туманной дымкой.

Морякъ Скиталець.

Весенніе сны.

Въ моей одинокой печали
Счастливые свѣтлые сны:
Весеннія синія дали,
Зеленія сказки весны.

Кто весело, звонко смѣется?
Чей голосъ поетъ, какъ ручей,
И музыкой радости льется
Въ молчанье печали моей?

Кто нѣжно зоветъ меня:—«Милый,
Мой милый, ты снова со мной.
Я долго ждала и грустила,
Любила зеленой весной.

Да, долго, давно тебя жду я.
Я—сказка твоя, я—любовь.
И въ нѣжномъ огнѣ поцѣлуя
Ликуетъ, поетъ моя кровь...»

Зоветь меня голосъ такъ нѣжно,
Зоветь меня синяя даль.
И снова душа безмятежна,
И таетъ большая печаль:

Въ печаль мою темную льется
Весенняя нѣспя ручья.
И смѣхомъ весеннимъ смѣется—
Вновь счастливъ и радостенъ я.

Я больше не слабъ и не боленъ,
Не скованъ печалью моей:
Я радостно: молодъ и воленъ,
Какъ вѣтеръ лѣсовъ и полей.

Въ душѣ моей синія дали
И сказки зеленой весны:
Моей одинокой печали
Весенніе свѣтлые сны.

Л. Андрусонъ.

Поѣздъ стоитъ сорокъ минутъ.

Опять, какъ и въ прошлую ночь, стояла карета съ хрустальными въ фонаряхъ стеклами, рефлекторы отбрасывали длинныя игловидныя лучи; лошади чуть усиленно дышали, изрѣдка звеня удилами, на бѣлую морду правой падалъ лунный бликъ и видно было, какъ чернѣйшій глазъ любовятно ворочался на окружающее, отражая въ себѣ скользящія звѣзды.

Новый мальчикъ изъ буфета, прослужившій здѣсь на станціи всего около пяти дней, всему окружающему удивляясь и почти боготворя его, предчувствовалъ, что и въ это ночь ему придется обѣжать всѣ вагоны экспресса, выкрикивая фамилію какого-то господина Летенкаго.

— Это я,—отозвался еще вчера одинъ полный господинъ.

— А какъ ваше имя отчество?—справился буфетный мальчикъ.

Но оказалось, что это былъ совсѣмъ не тотъ, кто пужень былъ пожилой дамѣ и ея снутнику, горбатуму господину со страннымъ смѣющимся лицомъ. Войдя въ залу, мальчикъ тотчасъ увидѣлъ и даму и господина: они сидѣли за столомъ почти у самаго буфета.

Господинъ пилъ водку, рюмку за рюм-

кой, ничѣмъ не заѣдая, спявъ свою остро-
конечную шапку. У него была лысая
голова, такіе сощуренные черные блу-
жающіе глаза и выдающійся квадрат-
ный подбородокъ; онъ не носилъ ни бо-
роды, ни усовъ. Дама—маленькая, вся
укутанная въ черное широкое, странно
надушенное платье,—выглядѣла, какъ
и тотъ разъ, печальной... Когда го-
ворила что нибудь, или отвѣчала
своему кавалеру, она вся какъ-то до

жалости безпокойлась, голова ея въ
высокой темпо-машинной, съ напря-
женными черными шелковыми бантами,
пльишь такъ чудно тряслась и дерга-
лась...

— Когда придетъ поѣздъ...

— Ты уже знаешь какой?.. экспрессъ!
— перебила дама господина со смѣющи-
мъ лицомъ и голосъ у нея былъ такой
жалобливый, а глаза, когда она посмо-
трѣла разсѣянно умоляюще на мальчи-

ка, засвѣтились тоскливо безпокой-
ными огоньками.

— Обойди, какъ вчера, всѣ вагоны
и спрашивай господина Летецкаго, а
когда найдешь его, то пригласи его
сюда. Не болтай много, если онъ тебя
спроситъ, а отвѣть только «друзья дѣт-
ства», только «друзья дѣтства», такъ
запомни ну пош...

— Ради самого Господа Бога только
разыскивай внимательно! ничего, если

тебя и обидять,—я отблагодарю, отплатю за все, понимаешь?..

— Пошелъ — закончилъ смѣющійся господинъ, которому совсѣмъ не удавалось казаться серьезнымъ.

Мальчишъ побѣжалъ.

Безпрерывно хлопались съ разныхъ сторонъ огромныя двери. Ступенный, душный воздухъ поминутно разсѣкали холодные, осенніе сквозняки. И съ ними врывались сюда лязгъ колесъ, звонки и свистки... Дребезжали рамы въ большихъ окнахъ, а иногда казалось, что все зданіе вокзала отъ самаго сильнаго приступа своего лихорадочнаго озноба затрясется такъ, что рухнуть балки и посыпятся кирпичи, треснутъ стеклянныя крыши и пылью известки, мусора покроется все, что здѣсь было, вмѣстѣ съ помѣпанно суетящимися, скачущими пассажирами, посыльщиками, комми-вожерами и разными другими служащими...

— Варѳоломей,—начала пожилая да-

ма, какъ-то умоляюще взглядывая на лысаго горбуна, который рюмку за рюмкой опрокидывалъ въ свое огромное горло, смѣющимися глазками обѣгалъ окружающее, суетящихся людей и изрѣдка свою даму.

— Вы думаете, онъ пріѣдетъ съ этимъ поѣздомъ?..

— Да, надо полагать, что такъ—отвѣтилъ Варѳоломей и прибавилъ:—Если вы только желаете этого...

Теперь ея смѣющіе, какъ почтой цвѣтъ неба, глаза, вдругъ отразившіе огни всѣхъ лампъ, часовъ и съ грохотомъ пролетавшихъ за окномъ вагоновъ, посмотрѣли на друга въ выраженіи почти тысячи упрековъ и столькихъ же жалобъ. Лысый Варѳоломей подхватилъ этотъ взглядъ и объяснилъ свои слова:

— Само собой предполагается, графиня, если вы сильно желаете, вы должны такъ же сильно вѣрить въ испол-

неніе вашихъ желаній... Въ противномъ, вы не справедливы и не логичны... Итакъ, за исполненіе вашихъ желаній!.. Горбунъ выпилъ новую рюмку водки и сказалъ:

— Кажется, ничѣмъ не могу вамъ быть полезнымъ въ настоящую минуту? И пройдуся. Оставляю васъ наединѣ съ вашими мыслями... Совѣтую вѣрить...— и желать!

— Оставайтесь!—прошу васъ, оставайтесь.

— Хорошо. Только вы, графиня, постарайтесь унять ваши волненія: онѣ—отвратительнѣйшая помощь чему-бы то ни было... Я даже думаю, что Наполеонъ всѣмъ обязанъ былъ спокойствію, не даромъ онъ любилъ игру въ шахматы... За ваше спокойствіе, графиня!

— Ванна душа мнѣ кажется,—продолжалъ онъ,—сотканной изъ однихъ топчайшихъ первыихъ слетелій, клѣточекъ, клѣточекъ, которыя, мнѣ кажется, живутъ однимъ стремленіемъ—слиться съ

Древнія могилы на Кавказѣ.

Е. Шильниковскій.

клѣточками другого человѣка—вашего невѣрнаго друга. Нѣкоторые ученые красиво уподобляют такое стремленіе, оно у нас зовется любовью,—голоду. Не правда-ли, мило и крайне образно это сравненіе? Я и думаю, что не отсюда ли ведетъ свое начало вульгарное выраженіе: лакомый кусочекъ? За...

Но какъ ни былъ пьянъ этотъ человекъ, онъ устыдился и оборвалъ свой тостъ. Выпивъ новую рюмку, онъ казался уже потерявшимъ цѣль своихъ мыслей...

Въ окнѣ, на которое упалъ разсѣянный взглядъ пожилой женщины, скрылся послѣдній вагонъ уходившаго поѣзда.

Вся жизнь, вся, вся жизнь показалась ей въ эту минуту такой же печально ускользнувшей, исчезнувшей, какъ этотъ послѣдній вагонъ... Въ ухахъ еще оставался глухой грохотъ послѣднихъ колесъ. Вотъ тишина. Она качается головой и ея вѣрный послѣдній другъ Вареоломей покидаетъ ее, онъ отправляется бродить по уже пустующимъ заламъ. Воспоминанія окружаютъ ее.

Давно, давно она выписала къ себѣ въ Варшаву того бѣлокураго мальчика, любовника ея юности, изъ того помѣстья, въ которомъ сама дѣтскіе годы провела простой дѣвушкой; ее самое изъ тѣхъ мѣстъ тогда вывезъ этотъ папъ Вареоломей... Мальчикъ учился, пока она подвизалась то кастеляншей, то компаньонкой при женѣ молодого хозяина того помѣстья... Какой трогательный былъ этотъ мальчикъ! Трогательное было время! Она хорошо помнитъ. По морознымъ утрамъ онъ прибѣгалъ къ ней, пилъ крѣпкое кофе, щеки его горѣли отъ мороза... Онъ былъ мечтателемъ. Что любилъ, въ томъ усѣивалъ первымъ ученикомъ, но въ остальномъ лѣнился. Говорилъ, что это не для него. Впередѣ у него слава! Онъ былъ и самолюбивымъ и гордецомъ. Пожалуй, она сама развила въ немъ эти чувства; вѣдь она говорила, что ему не придется никогда, какъ другимъ, ждать какихъ-то вакансій, долгое время быть чего либудъ кандидатомъ, она говорила, что у него будетъ необъятное количество денегъ, а слѣдовательно и протекцій и самыхъ вѣрныхъ и блестящихъ покровителей. Онъ избралъ путемъ къ славѣ искусство, кажется, только потому, что оно ему тогда казалось самымъ вѣрнымъ, исчерпывающимъ все его честолюбивыя стремленія. «Искусство принесетъ мнѣ всеобщее поклоненіе,—говорилъ онъ,—искусство откроетъ все двери и онъ станетъ на равную ногу со всеми, имѣющими власть, силу почти безсмертную на этой землѣ.—У него были огромныя желанія—и опять это она внушила эти желанія, это она!—Припомнилось ей, какъ при первомъ успѣхѣ его картинъ, маленькихъ рисунковъ, она восторженно говорила, что ему не нужно будетъ работать для денегъ, онъ можетъ презирать все эти маленькія кружковья выставки и мелкихъ заказчиковъ. Пусть онъ пишетъ огромныя полотна!.. Тогда ей казалось, что съ огромными размѣрами полотна всегда неразрывно связана и огромное содержаніе,—значительность... Къ какому печальному это привело слѣдствію, печальному!..

Много было денегъ потрачено на «вывозы» разныхъ «вдохновеній» и на другіе «артистическіе капризы» и на многія иныя сумасбродства того-же «артистическаго» свойства, которымъ она не только охотно потворствовала, но которыхъ даже сама требовала отъ него.

Можно по этому судить, во что въ быстрое время превратился талантливый, жадный до всехъ вышнихъ почестей, художникъ, безпрестанно думающій только о томъ, что пишущаяся имъ картина будетъ, или есть уже, гениальной, образцовой, что она явится открывеніемъ для всехъ и будетъ свѣточемъ долгие вѣка. Презиравшій все и всехъ кромѣ себя, могъ ли онъ долго оставаться и при ней,—своей благодѣтельной любовницѣ?

Какъ ни была она тонка, къ какимъ ни прибѣгала ухищреніямъ, которымъ выучилась въ свое, надо признаться, очень двусмысленное прошлое, все же для него она, по мѣрѣ развитія въ немъ той, по истинѣ, маніи grandiosa, стала отдаляться и отдаляться.

Деньги, нажитыя ею, стояли, помимо тысячи опасностей, нравственныхъ и физическихъ болѣзней—и молодости! Вѣдь жизнь была уже прожитой! Прожитой! Ахъ, какъ она не понимала этого, какъ она поздно спохватилась, поияла, когда уже было поздно.

Но она имѣла достаточно силы простить ему все, все, даже презрѣніе, его презрѣніе къ ней! О, этого, пожалуй, никто, даже мудрый Вареоломей, ея единственный другъ дѣтства, не смогъ достаточно оцѣнить. Они разошлись; это было три года тому назадъ.

Какъ время быстро бѣжало прежде при немъ, тогда,—такъ оно медленно тинулось теперь. Она прежде думала, что она сможетъ, будетъ въ силахъ жить безъ него, по, по... Какъ передать это? Клѣточки,—клѣточки, о которыхъ ей вотъ недавно здѣсь упоминалъ Вареоломей—тинули ее къ нему. Это былъ голодъ-голодъ,—не любовь. Вѣдь только, кажется, голодныхъ понималъ, что они могутъ ради хлѣба красть, подличать, низко подличать и даже убивать,—итти на убійство. Вѣдь голоднымъ прощаютъ, кажется, а если нѣтъ, то вѣдь могли бы прощать, должны, должны, прощать голоднымъ...

Теперь она всеми силами желала, всеми кусочками своего тѣла только видѣть его, хоть одинъ разъ, всего одинъ еще разъ, послѣдній.

Истомленной, измучившейся она и въ эту ночь возвращалась домой, усталая тицетно надѣяться, не удовлетворившая своего навязчиваго каприза.

Карета такъ тоскливо ее укачивала, папъ Вареоломей, забывъ приличіе, спалъ отвалившись на подушки и храпя во все свое горло... Почти уже свѣтало...

На слѣдующій день къ ней пришелъ по долгу службы нѣкій стряпчій, съ которымъ она имѣла дѣло, касавшееся дѣтей одного умершаго ея друга, вульгарный человѣкъ, надменный и самодовольный въ своемъ ничтожествѣ... Онъ первымъ дѣломъ постарался объяснить свое долгое отсутствіе, объясненіе, потребовавъ котораго она была такъ далека отъ мысли.

— Увлекла меня одна пикаптная брюнетка: щечки, понимаете, губки и про-

чее такое. Человѣкъ я занятой, ну въ кой то вѣки и поразвлекъ надо, вѣдь такъ то за дѣлами и не замѣтишь, какъ молодость промелькнетъ, и старость прикатитъ. Надо не забывать жить и при этомъ служить государству немножко.

И только послѣ этого предисловія онъ перешелъ къ дѣламъ:

— Я наводилъ справки...

Когда онъ ушелъ, ей почему то захотѣлось даже плакать... Кругомъ было пусто и такъ вдругъ сдѣлалось непонятно тоскливо почти до тошноты... Впередѣ длинный день. «До чего тошнелъ—думалось ей,—этотъ человѣкъ: вѣдь онъ способенъ отравить всю чью либудъ жизнь!» Однимъ своимъ присутствіемъ, своимъ видомъ онъ нагналъ на нее такую почти развѣянную тоску. Но все же она скоро забыла его. Видъ папа Вареоломея, чудаковато-беззаботный, его прекрасная умная болтовня, что все въ мѣрѣ забавно и удивительно,—разсѣяли на нѣкоторое время ее.

«Пожелаете вы видѣть мѣръ и жизнь хорошими,—и все это будетъ точно такимъ, какимъ вы желаете.

Хорошій папъ Вареоломей! не благодаря ли ему она была не пустою и не выдохлась, проживъ то чадное, вышнее, бурное и ничтожное прошлое?

Обстановка, — картины, брилліанты, впрочемъ теперь больше футляровъ изъ подъ нихъ, чѣмъ они сами,—все это еще напоминало прошлое, съ которымъ каждому трудно разстаться. Въ нѣсколькихъ углахъ стояли портреты таинственныхъ людей, которые своими средствами черезъ нее содѣйствовали успѣхамъ, славѣ, надменности и гордости того, котораго она теперь такъ желала увидѣть въ послѣдній разъ, того, который теперь ее презиралъ и избѣгалъ встрѣчь съ нею, какъ съ презрѣнной.

Ночью карета опять привезла на вокзалъ пожилую даму и горбатаго смѣющагося человѣка. Опять какъ и въ предшествовавшія двѣ ночи, буфетный мальчикъ выбѣгалъ съ тѣмъ же порученіемъ найти среди проѣзжихъ господина Летецкаго.

— Меня еще никогда не обманывало предчувствіе, Вареоломей!

— Вотъ и прекрасно, графиня! со своей стороны я надѣюсь, что оно не обманетъ васъ и теперь. За ваше прекрасное предчувствіе...

Когда она увидѣла на этотъ разъ появившагося, какъ и всегда, въ дверяхъ мальчика, правда, на этотъ разъ только съ еще болѣе испуганнымъ выраженіемъ лица,—они уже хотѣли одновременно подняться и покинуть залу—какъ замѣтили, что мальчикъ велъ за собою нѣсколько тучнаго, средняго роста, господина, недовѣрчиво косившагося по сторонамъ. Онъ не казался растеряннымъ, но и не по искреннему радовался, когда воскликнулъ:

— А, графиня Софья! вы сильно измѣнились...

Въ залѣ раздались неприятный, рѣзкій звонокъ и человѣкъ прокричалъ:

— Поѣздъ стоитъ сорокъ минутъ!

— Куда вы? останьтесь съ нами, папъ Вареоломей,—сказала графиня задрожавшимъ и какъ то вдругъ по старче-

ски тепло покровительственнымъ голо-
сомъ, обращая къ хотѣвшему сбѣ-
жать другу.—Вы вѣдь знаете другъ
друга? Панъ Вареоломей васъ, Богу-
славъ,—она уже обращалась къ приѣ-
хавшему,—зналъ еще пятнадцати-лѣт-
нимъ мальчикомъ... Ахъ Боже! но вѣдь
всего сорокъ минутъ! Ну, расскажите...
Ахъ, но что рассказать вамъ?... Вы сча-
стливы?... Я знаю, я спрашиваю глу-
пости, вы простите меня, Богуславъ...
—но, всѣмъ, всѣмъ онъ былъ для нея,
несмотря на все волненіе, кѣмъ то дру-
гимъ. Она вѣдь, кажется, по настоящему
только теперь, въ первый разъ въ него
вглядывалась...

Онъ достигъ славы, по его словамъ,
почти всемірной,—въ этомъ сезонѣ его
картина была продана въ одинъ лондон-
скій музей, что не такъ чтобы очень
прибыльно, но лестно.

Ей не вѣрилось даже этому, почему,
она не знала...

Онъ былъ женатъ и развелся. Она
какъ будто предугадывала дальнѣйшее.
Онъ продолжалъ.

— Увлекла меня одна пикантная брю-
нетка: щечки, носикъ, губки и, пони-
маете, все остальное. Человѣкъ я искус-
ства, занятой, для вдохновенія развле-
каться надо. Такъ молодость промель-

кнетъ и не оглянешься, наступитъ ста-
рость...

Буфетный мальчикъ остался дово-
ленъ наградой, только ему было нѣ-
сколько жаль ту барыню, когда тотъ,
кого онъ отыскалъ, наконецъ, сегодня,
уѣхалъ дальше,—съ ней сдѣлалось дур-
но, она вся тряслась и такъ тяжело
плакала.

«Какой онъ артистъ», говорилъ, какъ
бы про себя, панъ Вареоломей, нѣсколь-
ко меньше обыкновеннаго сегодня выпив-
шій, и поэтому немного сварливый.

— Онъ выражается, какъ газета, или
какъ вашъ стряпчій, а впрочемъ это не
можетъ помѣшать никому любить его.

Ю. Юр к у н ъ.

МОЙ ПЕРВЫЙ БОЙ.

Изъ дневника строевого офицера.

... Нѣтъ... Война это не то, что можно
пересказать, не то что можно высказать
словами и заколодить на бумагѣ.
Нѣтъ! Когда я вспоминаю то, что было,
я не могу мыслить это образно, не могу
это записать, такъ какъ отъ одной уже
попытки въ этомъ направлении распа-
дается то стройное и величественно-
ужасное, что я могу только чувствовать.
Мнѣ кажется, что тѣ переживанія, ко-
торые я испыталъ, что тѣ ощущенія,
которые выжгла въ моемъ сердцѣ огнен-
ная рука смерти не укладываются въ ду-
шу нормальнаго человѣка, буржуа, ка-
кимъ я сталъ теперь уже черезъ нѣсколь-
ко часовъ послѣ того, какъ пересталъ
быть бойцомъ.

Я чувствую, что невозможно пере-
дать то, что переживаетъ заурядный
человѣкъ, впервые участвовавшій въ
бою, какъ нельзя рассказать слѣпо-
рожденному о прелести и яркости ве-
сеннихъ цвѣтовъ, какъ нельзя заставить
глухого чувствовать и понимать музы-
ку... Но все же, что-то говоритъ мнѣ,
что надо записать все пережитое, припе-
чатать его къ бумажному листу, хотя бы
для того, чтобы процессомъ записыванія
отвлечь самого себя отъ той духовной
перазберихи, которая полновластно ца-
рится въ моей потрясенной душѣ.

Гулко бухаютъ тяжелыя орудія. Ихъ
зловѣщій кашель слышится со всѣхъ сто-
ронъ и нельзя разобрать, гдѣ нѣтъ этихъ
мощныхъ звуковъ.

И съ запада, и съ востока, и съ сѣвера,
и съ юга, несется сюда эта смертоносная
музыка, пробуждая въ душѣ какіе-то
песенные, но острые порывы, какія-то
несознанныя, но мучительныя предчув-
ствія.

Небо—грозное. Низко, низко, надъ
самыми верхушками лѣса, нависли сѣ-
ро-зеленыя, медленно ползущія тучи.
Свѣтъ холодный, мелкій дождь. Солдаты
его зовутъ «мяра». Эта «мяра», мелкая,
но частая, проникаетъ всюду. Она заби-
рается въ поры моего «непромокаемаго»
плаща, просачивается сквозь шинель,

забирается за воротъ и заставляетъ
ежиться, мокрое, вялое отъ безконечныхъ
переходовъ тѣло.

Впереди меня колеблется живая стѣна
человѣческихъ спиць, головъ, винто-
вокъ съ блестящими отъ дождя штыка-
ми и слышится глухой гулъ разговоровъ;
сзади «гомонить» плотно скучившаяся
колонна моей роты.

Мы идемъ очень долго, но уста-
лости нѣтъ. Ноги машинально дви-
гаются, мѣря мокрое шоссе привычнымъ
«экономнымъ» шагомъ, выработаннымъ за
два мѣсяца непрерывныхъ передвиженій.

По временамъ представляется, что все
окружающее меня какая-то мистифи-
кація, миражъ, что-ли, и что стоитъ
энергично встряхнуться, какъ все каку-
щееся пропадетъ, сгинетъ, развѣется,
какъ дымъ, и останется привычная
жизнь, спокойнаго уравновѣшеннаго че-
ловѣка, знающаго, что завтра онъ будетъ
жить, сможетъ работать, сможетъ дѣ-
лать то дѣло, которое считаетъ важнымъ
и любимымъ. Сможетъ жить...

Встряхиваюсь, по... и спереди, и сзади
все также движется живая, колеблю-
щаяся стѣна, все также свѣтъ мелкій
холодный дождь и только еще сильнѣе
знобитъ тѣло, выведенное изъ первоначаль-
наго, привычнаго положенія и яв-
ственно бухаютъ орудія.

Скучно... Начинаю зѣвать, хотя это
совершенно не пужно и, собственно го-
воря, я отлично могъ бы не зѣвать.

Скучно...

Я настолько поглощенъ своими мысля-
ми, что абсолютно отвлекаюсь отъ дѣй-
ствительности и, кажется, начинаю дре-
мать на ходу (мы вотъ уже двое сутокъ
ни минуты не спимъ настоящимъ сномъ).
Но такое сосредоточенно-сонное состоя-
ніе продолжается очень короткое время.

Приводитъ меня «въ чувство» фельд-
фебель моей роты, «Яковъ Андрусови-
чъ».

Это приземистый, плотный, коренастый
старикъ съ умнымъ и хитрымъ лицомъ
мужицкой складки, на которомъ, какъ
двѣ щели, красуется пара узенькихъ,
всегда смѣющихся глазъ—«глядѣлокъ».

«Яковъ Андрусовичъ» (его всѣ такъ
зовутъ въ полку) подходитъ ко мнѣ,
дергаетъ за рукавъ и «докладываетъ»,
что командиръ полка требуетъ «мое бла-
городіе» къ себѣ «въ голову колонны».

«Хорошо»... машинально говорю я,
а самъ гляжу на спокойное лицо подпра-
порщика, на которомъ, кажется, ничто
не оставляетъ слѣдовъ. Онъ тотъ-же, ка-
кимъ я видѣлъ его на маневрахъ, стрѣль-
бищахъ, въ казармѣ, и въ выраженіи
его глазъ можно прочесть только испол-
нительность и готовность итти, «куда
прикажетъ начальство».

Созерцаніе спокойной физиономіи «Яко-
ва Андрусовича» даетъ мнѣ необходимое
равновѣсіе и я уже спокойно спраши-
ваю:

— Зачѣмъ?

— Не могу знать, ваше б-іе, гово-
рять, походная застава на гѣмца нарва-
лась... «Онъ» здорово обстрѣлялъ...

Подпрапорщикъ произноситъ это такъ
же спокойно, какъ въ мирное время до-
кладывалъ «о состояніи вещей второго
срока» или о числѣ рядовъ въ ротѣ. Я
заражаюсь самъ этимъ спокойствіемъ.

— Ага... правда...

Какъ бы въ подтвержденіе словъ
«Якова Андрусовича» впереди слышится
сухая, четкая и торопливая трескотня
ружейной перестрѣлки, прерываемая
рѣзкими залпами нашей передовой роты.

Бой завязался. Я бѣгло оглядываю
свою роту, чтобы посмотрѣть, какъ реа-
гируютъ на все это солдаты. «Земляки»,
спокойны. Чувствуется, что никому не
кажется страннымъ и необычнымъ, ни
эта трескотня, ни то, что скоро мы всту-
пимъ въ бой, изъ котораго, быть можетъ,
многіе уже не вернуться на это мокрое,
блестящее отъ дождя шоссе.

Чувствуется, скорѣе, что было бы
странно и неумѣстно противное.

Я оставляю фельдфебеля «за себя» и,
расталкивая скучившихся людей, про-
бираюсь въ голову колонны. Тамъ уже
собрался импровизированный военный
совѣтъ.

Въ сторонѣ отъ шоссе, на полусгнив-
шемъ пнѣ возсѣдалъ командиръ полка

и, согнувшись въ три погибели, разглядывалъ лежащую у него на колѣнахъ «двухъ-верстку». Около пня, изображая всѣмъ своимъ вертлявымъ существомъ живѣйшую радость вертѣлся командирскій шпицъ «Мишка». Онъ съ радостнымъ лаемъ прыгалъ вокругъ пня, стараясь лизнуть полковника въ лицо, совершенно не обращая вниманія на торжественность момента и не считаясь съ желаніемъ своего владѣльца. Командиръ одной рукой добродушно отмахивался отъ своего четвероногого друга, а другой водилъ по картѣ.

Вокругъ сгруппировались офицеры, тоже съ картами въ рукахъ.

Вся эта картина дышала глубочайшимъ миромъ и такимъ спокойствіемъ, что не греми такъ орудія и не трещи пулеметы, можно было бы вообразить, что это тактическія занятія мирнаго времени.

Однако то, что сообщалъ командиръ нѣсколько нарушало эти мирныя иллюзіи.

Передъ нами въ полторахъ верстахъ находилась переправа черезъ небольшую, но глубокую и быструю рѣчку. Нѣмцы заняли переправу и прочно укрѣпились на противоположномъ берегу рѣки. Намъ было приказано выбить ихъ оттуда.

Дѣло предстояло серьезное и всѣ это понимали.

Командиръ говорилъ недолго и заключилъ свое объясненіе такими словами:

— Мы должны сбить противника съ переправы во что бы то ни стало.—Онъ замолчалъ, а въ моемъ сердцѣ вспыхнуло какое-то особое горделивое и увѣренно-твердое предчувствіе побѣды и я машинально произнесъ:

— Да... во что бы то ни стало!..

Что было, перестало быть... Я почувствовалъ, что съ этого момента я пересталъ существовать, что я, спящій, жуящій пищу, говорящій различныя громкія слова, пересталъ быть, исчезъ, и что его мѣсто заступилъ кто-то другой сильный и ничего не боящійся, готовый итти сѣять смерть и готовый умереть, если такъ пужно будетъ.

Въ эту минуту я подумалъ, что когда-то, въ мирное время, я, дѣлая гимнастическія упражненія, боялся упасть со снаряда и потому избѣгалъ особенно рискованныхъ номеровъ.

Эта мысль показалась мнѣ до того комичной, что я разсмѣялся:

— Ха, теперь я ничего не боюсь!

— Первая полурота, за мной впередъ, бѣгомъ!

Я бѣгу по лѣсу, спотыкаясь о пни и коренья и чувствую, что за мной бѣгутъ и всѣ мои Нечипоренки, Михалюки, Войтеки и Абдулки, бѣгутъ на своихъ крѣпкихъ, какъ коренья дубовъ, ногахъ, бѣгутъ не разсуждая, потому что бѣгу я.

Я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что каждый изъ этихъ «землячковъ» сочтеть за особое удовольствіе проткнуть нѣмца штыкомъ и сдѣлаетъ это безъ слякотныхъ и слезливыхъ разсужденій, при первомъ удобномъ случаѣ.

Мнѣ пріятно это сознание и во мнѣ рождается увѣренность въ самомъ себѣ, въ своихъ силахъ. Я чувствую, что самъ сталъ этимъ собирательнымъ «Нечипоренко» и что готовъ не только одного нѣмца проткнуть штыкомъ, но безъ колебанія продырявить бы таковымъ всю нѣмецкую армію, если бы она... имѣла одинъ животъ.

Мнѣ почти весело!

Рядомъ со мной, все время, почти касаясь меня, бѣжитъ «Яковъ Андрусовичъ».

Бѣжать ему не легко, такъ какъ «старость не радость и, опять, же одышка», но бодрый старикъ старательно перебираетъ своими коротенькими ножками и не отстаётъ.

Лицо «Якова Андрусовича» выражаетъ полное пренебреженіе къ превратностямъ жизни и всѣмъ своимъ видомъ говоритъ: «Ладно... Эту музыку мы знаемъ, насъ не удивитъ!».

А «музыка» даетъ себя чувствовать. Уже пропѣли первыя, одиночныя пули. — Тѣф-ууу-или... Тѣф-ууу-или...

Эти «стрекоты», своимъ замогильнымъ пѣніемъ, вначалѣ будили въ душѣ какую-то жуть. Хотѣлось нагнуться, стать маленькимъ, прилечь къ землѣ.

Многіе солдаты, да и я самъ, сознаюсь, вначалѣ, все время «тяготѣли къ земному шару», какъ бы инстинктивно отдаваясь подъ защиту «матери сырой земли». Вслѣдствіе этого всѣ бѣжали низко пригибаясь и какъ бы кланаясь.

Но такъ было только вначалѣ, когда свистъ и жужжаніе рѣзокъ разрывали безмолвіе лѣса, пока эти звуки были одиночны, а потому и болѣе неожиданными.

Теперь же мы зарвались...

Жужжаніе и свистъ слились въ одинъ сплошной визгъ и было трудно понять, что это. Казалось, что весь воздухъ наполнился вдругъ тысячами звуковъ и что всѣ эти металлическіе звуки сплетались въ какую-то незримую, но крѣпкую, какъ сталь паутину, преграждающую намъ путь.

Я бѣжалъ, и въ головѣ не было никакихъ мыслей и казалось, что это не я бѣгу, а что меня несетъ впередъ какая-то невѣдомая и могущественная сила и что я буду бѣжать, пока не упаду.

— Чортъ!—Я упалъ и что-то прокричалъ. Вмѣстѣ со мной, какъ одинъ человекъ повалилась и вся рота.

Мокрая, обращенная въ грязь, земля, равнодушно хлопала подъ моимъ тѣломъ, когда я мѣнялъ положеніе. Я лежалъ и соображалъ, что дѣлать дальше.

«Яковъ Андрусовичъ» равнодушно раскуривалъ свою неизмѣнную трубку.

Солдаты, длинной цѣпью растянувшись позади насъ суетливо поправляли сбившееся во время перебѣжки снаряженіе и перебрассывались короткими фразами. Надъ головой все также гудѣлъ лѣсъ и пѣли миллионы невидимыхъ пчелъ.

Такъ прошло около минуты. Надо было двигаться дальше. Я попробовалъ приподняться, но... къ ужасу своему я почувствовалъ, что меня что-то неудержимо тянетъ внизъ, къ землѣ, что я потерялъ способность подняться и бѣжать дальше. Не могъ...

Я чувствовалъ, что меня начинаетъ охватывать какое-то дикое, безмѣрное отчаяніе, отчаяніе интеллигентнаго, ду-

ховно дисциплинированнаго человѣка, который видитъ, что его «свободная воля» его «хочу» испаряется, какъ капля эфира, спадаетъ какъ гримъ съ лица актера, отыгравшаго свою роль и смывающего ненужныя теперь бѣлила и румяна... Инстинктъ и воля!

— Господи, помози мнѣ! Господи!— Я собираю всѣ силы и безмѣрнымъ, сверхъестественнымъ усиленіемъ воли заставляю себя встать и броситься впередъ. — Впередъ!

Они, солдаты, не имѣютъ сейчасъ своей воли. Ихъ воля—это я! Всѣмъ своимъ существомъ я воспринимаю это сознание и меня пропитываетъ чувство гордости и силы.

Я бѣгу впередъ и мнѣ не страшно, я перестаю пригибаться и «припадать» къ землѣ.

Гдѣ-то я слышалъ: «когда идетъ проливной дождь, зонтикъ можно закрыть— онъ не спасетъ отъ дождя».

Я закрываю свой зонтикъ и болѣе не борюсь съ проливнымъ стальнымъ дождемъ.

Я ничего не думаю. Приказанія и команды отдаются мной совершенно инстинктивно, машинально, но все идетъ такъ, какъ должно итти и странно отвѣчаетъ моимъ планамъ.

Это обстоятельство и волнуетъ, и радуетъ меня въ одно и то же время.

Черезъ 5—6 такихъ перебѣжекъ, мы вышли, наконецъ, на опушку лѣса. Огонь противника усилился до того, что воздухъ, казалось, сталъ накаляться. Раздалась характерная трескотня пулеметовъ.

— Тра-та-та-та...

По всей линіи противника, ясно обозначенной грядой песчаныхъ холмовъ, разлилась эта характерная трескотня. Очевидно, противникъ «пристрѣливался» къ опушкѣ лѣса, стремясь приковать насъ къ землѣ. Пули пошли «густо» и рота стала нести большія потери. Уже нѣсколько разъ я замѣчалъ, какъ на перебѣжкахъ люди куврыкаются валатся на землю и больше не поднимаются. Теперь же падали сразу по нѣсколько человекъ. Я приказалъ залечь и окопаться.

Солдаты, судорожно взметая землю, заработали лопатами. Скоро у каждого солдата былъ готовъ бугорокъ земли, за которымъ можно было «притулиться».

Я лежалъ открытымъ. Лопаты у меня не было и я ждалъ каждую минуту, что пуля заставитъ меня замолчать навсегда.

Сознаюсь, что въ эту минуту преобладающимъ чувствомъ у меня былъ голый животный страхъ. Я опустил голову къ землѣ. Я успѣлъ замѣтить все-же, что впереди, шагахъ въ 200—300, взрывая землю ложились очереди пуль. Очевидно, «нѣмецъ» пристрѣливается, подумалъ я и тутъ же рѣшилъ: «конецъ»!

Я зналъ, что когда эти очереди дойдутъ до насъ, все будетъ кончено.

— «Кончено»...—странно...

Что за странный шумъ! Что такое? Съ обѣихъ сторонъ, забрасывая меня комьями земли, «на скорость» работаетъ пара землячковъ.

— Ложись, братцы!

— Никакъ нѣтъ, ежели ляжемъ, не такъ скоро. Вамъ окопъ выроемъ...

Въ горахъ.

Рис. Г. Карпушина.

Работу заканчивает уже одинъ «землякъ». Другой ушелъ въ лучший міръ, спасая мнѣ жизнь... Спасибо... Его тѣло лежитъ рядомъ со мной. Протягиваю свою руку и крѣпко жму ту руку, которая спасла меня. Спасибо!

— Рота-а-а или! Рота-а-а или!

Наши сухіе, выдержанные залпы раздраютъ воздухъ и вселяютъ въ душу спокойствіе.

Я команду, назначаю прицѣль, пишу допесенія и уже не чувствую никакого страха. Наши пулеметы тоже начали «гнѣть» и ихъ звуки удивительно успокоили взволнованныхъ солдатъ. Казалось, что ихъ металлическій, машинный звукъ говорилъ каждому, что то очень важное и успокоительное.

Убитыхъ уже много. Куда ни помотришь, видишь эти безпомощно распростертые на землѣ фигуры, со всѣхъ сторонъ слышишь стоны.

— Рота-а-а или!

Я плохо сознавалъ, что происходитъ вокругъ меня.

А вокругъ былъ адъ.

Откуда-то на насъ посылались спаряды тяжелыхъ орудій. Съ отвратительнымъ, непередаваемымъ воемъ мчались эти десяти-пудовыя чудовища, пачкешная смертью, разрывая воздухъ и наполняя его какимъ-то стальнымъ безуміемъ.

Отъ разрывовъ тряслась земля, а громады суровыя сосны валялись, словно трава во время сѣнокоса. Весь воздухъ наполнился черно-удушливымъ дымомъ и трудно было разсмотрѣть что-либо въ трехъ шагахъ отъ себя.

Мнѣ представлялось, что всѣ мы попали въ какую-то ступу, и что скоро насъ превратятъ въ порошокъ, смѣшаютъ съ этой истерзанной и разорванной на клочья землей.

Нѣтъ возврата... Но пѣть и страха...

Мой голосъ все такъ же произносилъ привычныя для солдатъ команды и черезъ равные промежутки времени общій гулъ боя разрывался громомъ нашихъ сухихъ «выдержанныхъ» залповъ, какъ бы сопровождающихъ равномерной трескотней русскихъ пулеметовъ. О, Господи! Я чувствую, какъ что то подбрасываетъ меня на воздухъ и я лечу неизвестно куда...

— Живъ ли? Живъ! Въ десяти шагахъ отъ меня разорвался «чемоданъ» и силой разрыва меня подбросило на воз-

Изъ альбома Д. Митрохина.

духъ. Голова болитъ, такъ какъ я ее ушибъ, падая на землю. Пустяки!

Справа начинаютъ также рваться фугасныя спаряды и слышится дробь пулемета. Я плохо соображаю въ чемъ дѣло, но все же существомъ ощущаю, что назрѣлъ рѣшительный моментъ и что сейчасъ надо дѣлать что то рѣшительное и важное...

— У-ра! Ура-а-а! У-ра!

Справа идетъ атака.

Я вскакиваю и тоже что-то кричу. Я чувствую, какъ широко раскрываю ротъ, какъ моя рука сжимаетъ винтовку, на ходу взятую у убитаго, по того, что я кричу—не слышу. Это, вѣроятно, какой-то вой. Меня стремительно несетъ туда, впередъ, туда, откуда мчится весь этотъ ужасъ, эта смерть, эти слышныя чудовища изъ желѣза и стали, рвущія на

куски землю и расплывающія наши тѣла. Я бѣгу и кричу.

— Ура! Ура-а-а... У-ра!

Въ избѣ тепло и уютно. Это ничего, что я весь мокрый и грязный. Главное—живъ, живъ, живъ, живъ! Это слово проникаетъ въ мельчайшіе изгибы моего мыслительнаго аппарата и поражаетъ, давитъ меня своею неожиданностью и странностью.

— Живъ, живъ, живъ!

А «Яковъ Андрусевичъ» убитъ.

Когда опъ упалъ (ему оторвало обѣ ноги) и я наклонился къ старику, «Яковъ Андрусевичъ» прошепталъ едва слышно:

— А все же К—о мы взяли...

Милый, славный, дорогой мой, думаю я, а сердце радостно выстукиваетъ

— Живъ, живъ, живъ!

Эгоистъ—это сердце.

И. К.

* * *

Его въ восторгъ приводитъ бантикъ,
Онъ отъ случайной встрѣчи пьянъ—
Последній пламенный романтикъ,
Последній рыцарскій романъ...

Во всѣхъ влюбленъ и преданъ каждой,
Всегда въ мучительномъ плѣну,
Всегда объятъ любовной жаждой
Всѣхъ позабыть, познавъ одну.

Но ядъ познанія не сладокъ,
Но чаши не испить до дна,
И неразгаданныхъ загадокъ
Все также манитъ глубина.

И, совершая путь межъ терній,
Срывая, вмѣсто розъ, шипы,
Онъ будетъ жертвою вечерней
Въ рукахъ сегодняшней толпы!

Олегъ Леонидовъ.

Недвижны сумерки и тополь рудь,
На тростникъ дрожить и стынеть капля...
Поджавши ногу, заглянула въ прудъ
Изъ-за кустовъ—медлительная цапля.

Ползеть сѣдой, рѣдѣющей туманъ,
Доносить вѣтеръ жалобы кукушки...

Вдали мелькнулъ плетеный шарабанъ
И пропылилъ у розовой опушки.

Все гуще сумерки и выпуклѣй овалъ,
Вплетаются слова французской фразы,
И мнится—эту даль нарисовалъ
Филиппъ Галле—на днѣ глубокой вазы.

М. Долиновъ.

Одна изъ жертвъ.

Голодные и замерзшіе, медленно ползутъ вереницей бѣженцы.

Съ лицами испуганными, блѣдными, они наводятъ на васъ грусть и тоску!

Крошка дѣвочка, лѣтъ четырехъ, измученная долгой, длинной ходьбой, начинаетъ спотыкаться. Маленькія ея ножки отказываются дальше идти.

Эта толпа окружающихъ незнакомыхъ людей ей страшна, вѣдь она совсѣмъ случайно среди нея!

Отецъ крошки былъ тяжело раненъ и мать, недѣлю тому назадъ, срочно была выписана къ умирающему мужу. Дѣвочка осталась на попеченіи старушки-экономки, которой больше всѣхъ въ домѣ довѣряли, но послѣдняя такъ растерялась при наступленіи нѣмцевъ, что вмѣсто того, чтобы немедленно бѣжать съ ребенкомъ, начала съ лихорадочной поспѣшностью укладывать самыя цѣнныя вещи, которыя все равно не удалось вывезти... Всѣ приготовленные подводки были силой уведены мѣстными крестьянами, и онѣ были лишены послѣдней возможности выѣхать на лошадяхъ!

Много слезъ пролила старушка, съ горячей молитвой обращаясь къ Господу, спасти хотя бы бѣдную, невинную крошку.

Мимо ихъ усадьбы проходила большая партія бѣженцевъ; времени терять боль-

ше нельзя было, нѣмцы были въ двадцатипяти верстахъ, и старушка, взявъ крошку на руки, присоединилась къ плачущей, рыдающей толпѣ... Но на нее все это такъ подѣйствовало, что не прошло и часа, какъ она неожиданно скончалась отъ разрыва сердца, и маленькая крошка осталась одиока среди всей этой толпы, которая ее влекла за собой...

Свѣтло-голубые глазки смотрятъ печально и много горя свѣтятся въ этихъ ясныхъ, невинныхъ глазахъ...

Всѣ заняты своимъ собственнымъ горемъ и никто не замѣчаетъ, что крошка отстала, а между тѣмъ она громко плачетъ... зоветъ... Пронизывающій, холодный вѣтеръ, какъ бы играя бѣлокурыми кудрями ребенка, треплетъ ихъ безнащадно...

Крошка, выбившись изъ силъ, прилегла на холодную, замерзшую землю!

Хрупкое, маленькое тѣльце ея все еще изрѣдка судорожно вздрагиваетъ отъ горькихъ рыданій, но они постепенно все уменьшаются и теперь только легкая, счастливая улыбка играетъ на ея полуоткрытыхъ, посинѣвшихъ отъ холода губахъ.

Она заснула... Она счастлива... Она видитъ счастливый сонъ: какъ будто она дома лежитъ въ своей теплой, уютнейшей кроваткѣ и зоветъ няню...

Какъ хорошо у нихъ въ большомъ саду! Много желтыхъ, красныхъ розъ... Много и другихъ цвѣтовъ. Старинныя аллеи, чисто расчищенные, зовутъ и манятъ къ себѣ отдохнуть отъ палящаго солнца...

А вотъ и прудъ, глубокій, какъ много на немъ бѣлоснѣжныхъ лебедей... Какъ часто сюда они съ папой приходили кормить ихъ.

А вотъ тамъ и большой, мохнатый, дворовый песъ Шарикъ... онъ лѣниво потягивается, грѣясь на солнышкѣ...

Крошка во снѣ вздрагиваетъ и вдругъ просыпается. Ей холодно, она дрожить...

Темнота надвигающейся ночи пугаетъ ее, пугаетъ и страшное одиночество...

Звонко по полямъ раздается раздрающій крикъ ребенка... и онъ умираетъ вдали!

По узкой тропинкѣ идетъ высокій, сгорбленный дѣдъ, опираясь на посохъ сухой.

Это отсталый, заблудившійся бѣженецъ.

Глаза распухли отъ слезъ и часто, часто онъ останавливается, тяжело переводя духъ... грязной, сморщенной рукой отирая навернувшіяся слезы!

Въ жизни у него больше ничего не осталось... Сынъ убитъ на войнѣ... а маленькая, горячо любимая внучка, въ этой страшной толпѣ, на его собственныхъ глазахъ, была задавлена!

Онъ никогда не забудетъ этой страшной картины... ея нельзя забыть.

Онъ даже не самъ ее похоронилъ, онъ не знаетъ, гдѣ она...

И теперь, когда до него допелся раздрающій крикъ ребенка, онъ вспомнилъ другой крикъ, такъ на него похожій...

Сердце дрогнуло, и онъ невольно началъ спѣшить.

Но что это? Онъ на что-то споткнулся... На что-то маленькое, мягкое... Какъ будто даже кто-то тихо стонетъ!

Онъ пагибается и освѣщаетъ блѣдное личико ребенка своимъ уже потухающимъ фонаремъ... Онъ хватаетъ несчастную дѣвочку въ свои старыя, костлявыя руки, стараясь своимъ дыханьемъ согрѣть замерзшую крошку и, когда глаза ребенка широко раскрываются, удивленно смотря на него, онъ громко смѣется, крича:

— Я нашелъ, нашелъ свою внучку, я ее никому не отдамъ!!!

Миры. Замокъ Мирскихъ. (Западная сторона).

Сумарокова.

Древніе голоса.

Много на Руси неслыханных словъ.

Россия есть то, о что разбивается книга, расплывается знание, да и самая сжигается жизнь.

Андрей Бѣлый.

Прошлымъ лѣтомъ, послѣ долгой поѣздки на лошадахъ отъ маленькой, невзрачной Няндомы, подѣхалъ я, наконецъ, къ древнему, забытому теперь, Каргополю на полноводной, могучей красавицѣ Онегѣ. За ветхимъ, смѣхотворнымъ мостомъ, за свѣтло-желтыми онежскими струями раскинулся городъ—нѣтъ не городъ то былъ, а многоглавый монастырь. Бѣдые домики, облупившійся гостиный дворъ, немощенныя улицы, скучныя присутственныя мѣста—а надъ этой кучей житейскаго хлама зеленя, золотыя главы древнихъ церквей, колокольни, поющія торжественнымъ, громовымъ строемъ объ иной, непобдимой, блаженной жизни.

Каргополь не исключеніе,—всѣ древніе русскіе города таковы—Устюгъ Великій словно въ крѣпости—въ стѣнѣхъ церквей, Новгородъ издали видишь по пылающему на внешнемъ солнцѣ куполу Св. Софіи.

Долгое время досужіе люди подыскивали объясненія для этого—и не одно изъ нихъ не удовлетворило пытливыхъ сердецъ. Сейчасъ, въ небольшой книжкѣ «Умозрѣніе въ краскахъ», кн. Е. Н. Трубецкой подходитъ къ этому вопросу снова, ищетъ разгадки и находитъ ее въ необычной формѣ. Война вѣдь обострила у насъ чувство родины—такъ болѣзнь близкаго человѣка приближаетъ къ нему скорбящихъ и плачущихъ родныхъ.

Другой плачъ бытія—блаженнаго, божественнаго—видитъ кн. Трубецкой въ нашемъ дивномъ, исключительномъ по красотѣ и внутреннему проникновенію храмоводательствѣ. Многообразныя древнія иконы раскрываютъ передъ молящимися сокровенный смыслъ жизни въ радостныхъ, пѣвучихъ, прозрачныхъ, красочныхъ сочетаніяхъ. Красота ихъ обращается не къ уму нашему, а къ трепетному и живому сердцу, потому «что созданы онѣ «не философами, а духовидцами».

Золотая глава русской церкви—«огненный языкъ, увѣчаный крестомъ и къ кресту заостряющійся. При взглядѣ на нашъ московскій Іванъ-Великій кажется, что мы имѣемъ передъ собой какъ бы гигантскую свѣчу, горящую къ небу надъ Москвою; а многоглавыя кремлевскіе соборы и многоглавыя церкви суть какъ бы огромные многосвѣщники.» Въ этомъ то окруженіи поющихъ, застывшихъ въ вѣчномъ порывѣ священныхъ огней осуществляется пламенное, благочестивое пожеланіе Верлэпа:

Знать, слышать въ городахъ, межъ всѣми
голосами
О, Боже! Лишь одно: колокола Твои.

Если древне-русскій городъ—монастырь, то дворцы его—церкви. И, дѣйствительно, тамъ расцвѣтаетъ невиданная, закипающая сердце пышность.

Замокъ Мирскихъ. (Средняя башня, видъ со двора).

Замокъ Мирскихъ. (Главный фасадъ замка).

Замокъ Мирскихъ. (Развалины двора).

Со всѣхъ стѣнъ, многоставныхъ иконо-стасовъ, изъ далекаго купола смотрятъ большеокіе, благостные лики, отовсюду тянутся благословляющія руки—красочный акавистъ Вседержителю.

«Иконы больше чѣмъ искусство... Какъ она глубоко выстрадана, сколько видѣла она многовѣковыхъ терзаній души народной, сколько слезъ передъ нею пролито и какъ властно звучитъ ея отвѣтъ на эти слезы». Новый міръ—преображенный, облеченный въ небесную плоть—встаетъ передъ нами. Пала сказка о темной иконѣ, теперь пора забыть и о ея п, есловутомъ примитивизмѣ, о ея кажущейся наивности. Древній иконописецъ созерцалъ міръ духовными очами—острота сердечнаго зрѣнія иконопала тѣла, давала святымъ жертвенный, богослужебный видъ, осуществляла въ краскахъ молитвенное пожеланіе: «Всякое нынѣ житейское отложимъ понеченіе».

Въ этомъ таинственномъ душевномъ исходѣ и лежитъ причина, создающая неизгладимую разницу между иконою и живописью на религиозные сюжеты. Различенъ подходъ къ творчеству—съ одной стороны величественный, благодатный Спасъ XV вѣка, многоликая, небесная похвала «О Тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь»—съ другой—изнѣженный, завитой, въ узор-

ныхъ латахъ, румяный, пухлощекій Архангелъ Гавріиль Боровиковскаго. Одинъ изъ полузабытыхъ великихъ русскихъ людей, протопопъ Аввакумъ огненнымъ языкомъ клеймитъ иконоборческія стремленія своего времени. И подлинно—взгляните на древнее письмо. Великая вѣра, великія стремленія и чаянія глядятъ на васъ изъ широко раскрытыхъ глазъ угодниковъ—словно на душевныхъ крылахъ вознеслась и источила въ плоть, превратившись въ строгую, прозрачную фигуру.

«Пишутъ Спасовъ образъ Эммануила—лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявыя, руки и мыщцы толстыя; тако же и у ногъ бедра толстыя и весь яко Пѣмчинъ учиненъ, лишь сабли при бедрѣхъ не паписано», такъ скорбитъ Аввакумъ объ упадкѣ иконописи въ эпоху русской реформаціи. Дебелоустнать былъ однако звѣрь его пугавшій—и въ пламени мученическаго костра Аввакумъ закончилъ свою многострадальную жизнь, свою упорную борьбу за перушимость церковной святыни.

Гоголь далъ намъ великій обѣтъ въ пророческихъ словахъ: «У насъ прежде, нежели во всякой другой землѣ, воспріизднуется Свѣтлое Христово Воскресеніе». Города наши—монастыри, земля—пустынь полевая и лѣсная. Словно

источники на маитіи Небеснаго Архерея—вѣчнаго Мелхиседека—струятся многоводныя русскія рѣки.

Звѣрь ищетъ души русской, звѣрь вторгся въ нашу пустыню и въ пей творить волю отца своего, исконнаго Лжеца и Разрушителя. Древнія иконы отвѣчаютъ на слезы пародныя: «Близко время—въ храмѣ соединится челоѣчество послѣ исходнаго боя съ Врагомъ».

«Святая брань не нарушаетъ вѣчный миръ—она готовитъ его наступленіе»,—пишетъ кн. Трубецкой. Съ кликомъ «За Святую Софію» новгородцы кидались въ бой,—такъ и теперь стоимъ твердо за Божію удѣль, за нашу пустынь безкрайную, за великій древній монастырь—родную Россію.

Апокалипсисъ копчается словами: «Принду скоро. Аминь ей гряди Господи Иусе», и наши иконы говорятъ намъ о томъ же грядущемъ Царствѣ—вселенскомъ храмѣ Бога живаго. Да будетъ же безиощадной борьба со звѣремъ и да выйдетъ изъ нея преобразеннымъ ликъ родной земли. Слушайте древніе голоса, берегите древнюю душу, идите подъ куполь русскаго храма, подъ его нерушимую стѣну—патмосскій отшельникъ оставилъ намъ вѣрное обличеніе Христова: «Не оставлю васъ сиры, прииду къ вамъ».

Димитрій Крючковъ.

О Борисѣ Садовскомъ.

Печатается у насъ ни мало книгъ, но рѣдко встрѣтишь книгу, продиктованную искренней свободной любовью къ литературѣ. Большая часть появляющагося стоитъ за предѣлами литературы, многое отмѣчено печатью связанности «направленіемъ», а то просто холодно и безжизненно, какъ канцелярская бумага. Отъ всѣхъ этихъ упрековъ далекъ Борисъ Садовской. Выступаетъ онъ, какъ поэтъ, беллетристъ, историкъ литературы, критикъ и литературный памфлетистъ. И все, что онъ даетъ, отмѣчено подлинной любовью къ русской литературѣ. И, если въ историко-литературныхъ работахъ налицо несомнѣнная эрудиція, связанная съ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ нашимъ классикамъ, то въ области критическаго памфлета, когда г. Садовской обращается къ современному, благоговѣйное отношеніе превращается въ чистый пламень негодованія. Такимъ памфлетомъ въ прошломъ году была выпущенная г. Садовскимъ «Озимь». Нынѣ г. Садовской выпустилъ томикъ историко-литературныхъ изслѣдованій «Ледоходъ». Статьи, вышедшія въ этомъ томѣ, отмѣчены тѣмъ же любовнымъ отношеніемъ къ поставленнымъ задачамъ, какъ и то, что раньше давалъ въ этой области г. Садовской. Характерно предисловіе къ книжкѣ, свидѣтельствующее о

томъ, что авторъ любитъ не только прошлое русской литературы, но волнуется и настоящимъ. На это предисловіе критика пока что обратила большее вниманіе, чѣмъ на самую книжку. И какъ было не обратить на него вниманія—оно такъ не похоже на ту благонамѣренную казенщину, что каждый день обременяетъ наше вниманіе...

Но нынѣшнимъ временамъ, для того, чтобы говорить то, что позволяетъ себѣ г. Садовской надобно обладать смѣлостью и литературу любить больше литературной карьеры. Вотъ нѣсколько строчекъ изъ предисловія къ книжкѣ, за которыя не похвалятъ г. Бориса Садовского. «Намъ—пишетъ онъ—не даютъ дышать свободно свои же братья-писатели, насъ давятъ всяческія цензуры. Ахъ, цензура либеральная горше цензуры военной! Самозванцы, люди съ улицы, главнѣйшаго толпы, непомнящіе родства, хватаютъ писателя за горло и приказываютъ молчать. Журнальные столбцы превратились давно въ грязныя участки... Русскій писатель не смѣетъ быть самимъ собой, ежели не хочетъ быть осмѣяннымъ и забытымъ... Мы не знаемъ и не знали никогда нашихъ великихъ писателей въ ихъ подлинномъ видѣ. Ихъ намъ искусно поддѣлываютъ, какъ фальшивыя деньги!»

Послѣ этихъ жалобъ—протестовъ

г. Садовской выражаетъ надежду, что «конецъ литературщины не за горами» и что «Ледоходъ близокъ, и никакими ротатками его не сдержатъ». Это въ началѣ книжки, а въ концѣ г. Садовской срѣчается съ благонамѣреннымъ г. Ауслендеромъ, строчащимъ: «имѣю честь донести вашимъ литературнымъ превосходительствомъ, что нѣкто Борисъ Садовской позволяетъ себѣ отрицать общепризнанные авторитеты и освѣщенные временами устои».

Этотъ конецъ книги, какъ бы опровергаетъ тѣ надежды, что высказаны въ началѣ ея. Нѣтъ, до конца литературной неплятицы, политикачества, нравленства и кумовства еще далеко. Да и самъ «Ледоходъ» г. Бориса Садовского совѣмъ не ледоходъ, а интересныя историко-литературныя изслѣдованія съ мало подходящимъ содержанію книги боевымъ предисловіемъ о ледоходѣ. До ледохода еще, очевидно, далеко. Впереди, повидимому, предстоитъ много борьбы за очищеніе литературы отъ навязаннаго ей мелкаго политикачества, превратившаго литературу въ прислужницу политики. Весенняго обновленія еще нѣтъ. Налицо только смутное недовольство, ожиданіе ледохода и пока что первая ласточка—г. Садовской. Но одна ласточка, какъ извѣстно, еще не дѣлаетъ весны...

М. Влагинъ.

— Отчего ты въ зимнемъ манти?..

— Оттого, что я съ февраля дожидаюсь на вокзалѣ билета на Кавказъ.

Тамъ, на берегу моря...

Когда я уѣзжалъ на Южный Берегъ Крыма, меня провожали со слезами—точно я собрался на холерную или тифозную эпидемію... Запугивали меня самыми отборными угрозами: голодь, морозы—комнать пѣтъ, т. ч. пріѣзжіе почувють подь кустами акацій — вмѣстѣ съ весенними «начинающими соловьями»...

— Вѣдь вы знаете,—говорила мнѣ съ дрожью въ голосѣ сорокалѣтняя дама, вѣчно жалующаяся на дороговизну духовъ и румянъ,—въ Крыму буквально голодь... Туземцы ѣдятъ медузъ и супы изъ мѣстныхъ дельфиновъ... Я бы вамъ совѣтовала взять съ собой побольше консервовъ, бульона магги, сухарей пуда три, сахарную голову и, если возможно, хоть небольшую мясную тушу...

И она томно подкатывала глаза къ небу—то-бишь: къ потолку...

— Надѣюсь,—говорилъ старикъ дядя, закутанный въ пледы и одѣяла и весь обложенный разнаго рода грѣлками,—что ты берешь съ собой шубу—тамъ, говорятъ, теперь сивѣвые заносы... Подь Трапезундомъ, напимѣрь:

— Такъ то, дяденька, Трапезундъ, Азія, а это—Крымъ... Ужъ фіалки говорятъ, отцвѣли... А миндаль...

— Миндаль? Такъ что жъ, что миндаль?! Нашель, чѣмъ удивить! Они уже весь миндаль на печи стопили—вотъ тебѣ и миндаль! А я тебѣ говорю, что тамъ зима, заносы, снѣгъ! Да-съ!!

А и все-таки поѣхалъ!.. И вотъ, сижу теперь здѣсь, въ Крыму—

А впрочемъ—все по порядку!

Готовый голодать и холодать, пріѣзжаю въ Симферополь и—первое что бросается въ глаза въ вокзальномъ буфетѣ—вазы съ крупнымъ и мелкимъ сахаромъ. Изумленно спрашиваю:

— Развѣ вы не голодаете?

— Никакъ пѣтъ-съ.

— А гдѣ же продовольственный кризисъ?

— Не могу знать-съ.. Обратитесь къ начальнику станціи...

Но ни начальникъ станціи, ни рестораторъ о немъ ничего не знаютъ.

Кормятъ вполне спосо, хотя, выражаясь футуристически, очень «баранизируютъ»..

О, эти бараны! Баранъ—бичъ крымскихъ жителей... Это фактъ. Черезъ 5—6 дней послѣ пріѣзда вы начинаете бояться барановъ, какъ магометане свиней...

Понедѣльникъ: завтракъ—шашлыкъ, обѣдъ—бараньи котлеты, ужинъ—баранъ жареный.

Вторникъ: завтракъ — бараньи котлеты, обѣдъ — баранина жареная, ужинъ—шашлыкъ.

Среда; завтракъ — барашекъ жареный, обѣдъ—шаш...—...

Вась бросаетъ въ жаръ и въ холодъ и, на седьмой день, когда вамъ подають какой-нибудь «миоическій» пудингъ или кремъ, вамъ кажется, что и это все не безъ барана... Очевидцы утверждаютъ, что нѣкоторые пріѣзжіе къ концу сезона начинали такъ немпожко: бэ-бэ... бляеть...

Второй ужасъ, которымъ меня напугивали: дороговизна проѣзда изъ Симферополя на Южный берегъ: «автомобиль до Ялты стоитъ отъ 300 до 500 руб.» Насчетъ автомобилей пріѣзжимъ даже загадываютъ слѣдующую армянскую загадку:

— Какое сходство между крымскимъ автомобилемъ и сороконожкой?

— Оба *кусаются*..

Со страхомъ и трепетомъ подходите къ шофферу и, умудренные опытомъ съ петроградскими извозчиками, спрашиваете весьма вѣжливо и робко:

— Скажите, пожалуйста, если бы, напимѣрь, я захотѣлъ проѣхать на вашемъ миломъ автомобилѣ... ну, скажемъ, примѣрно, до Ялты, что-ли... Почти безъ багажа... А самъ я легкій, совсѣмъ легкій, три пуда только—жокейскій вѣсъ... Такъ что вашъ автомобиль не устанетъ... Сколько бы вы взяли?

Вы уже приготовились услышать что нибудь въ родѣ: двѣ тысячи,—и вдругъ—что?! Не можетъ быть! 30 руб.

Вотъ и вѣрь послѣ этого въ хваленую дороговизну...

Берете автомобиль и мчитесь на южный берегъ. Весна здѣсь, можно сказать, въ полномъ разгарѣ: все, чему только не лѣнь, цвѣтетъ: персики, груши, глицинии, лавровишни, павлонія (просеять не смѣшивать съ *павлонии*—«совсѣмъ не похоже») и одно общеизвестное растеніе, въ простонародьи называемое *siringa vulgaris*—сирень, то-бишь...

Тепло, но не черезчуръ. Особенно же пріятно—въ антрактѣ между жаренымъ бараномъ и шашлыкомъ—лежать на пескѣ у моря и грѣться на южномъ солницѣ. Невольно вспоминается выраженіе какого-то футуриста, что публика «бифштекстится» на пляжѣ, гдѣ «сезонно бѣлозубятъ греки»...

А въ пескѣ играютъ дѣти. Вотъ какой-то черномазенькій мальчуганъ нашель раковину съ улиткой и кричить:

— Мамочка, мамочка, посмотри — у этой раковины кишки!

Бродятъ «восточные» люди и предлагаютъ разный хламъ:

— Туфли-муфли профессорскія — настоящій антикъ петроградскій...

А въ переливчатыхъ волнахъ моря, сверкая на солницѣ своими черными головами и хвостами, купаються дельфины—никто и не думаетъ изъ нихъ котлеты дѣлать—купаются, о, правы! безъ купальныхъ костюмовъ, тутъ же при всѣхъ, при дамахъ!..

Кстати о дамахъ. Онѣ здѣсь больше всего страдаютъ отъ войны: забрали всѣхъ самыхъ сильныхъ молодыхъ проводниковъ, съ которыми такъ интересно было en deux ѣздить въ горы—остались только мальчишки да старики—и горы для дамъ утратили половину своей красоты...

Это, пожалуй, единственное ощутительное явленіе продовольственнаго кризиса... А въ остальномъ—

Хорошъ бы я былъ здѣсь, въ тридцать градусовъ тепла, въ шубѣ, съ мясной тушей и консервами подь мышкой! Счастливъ мой богъ!..

Г. Крыжикій.

Х А Н Ж А.

Однажды за винтомъ
Одинъ почтенный мужъ,
Увидѣвъ за столомъ
Нетрезваго партнера,
Который городилъ
Порядочную чушь,
Тайкомъ его спросилъ
Во время разговора:
— Любезный другъ, скажи,
Не пьешь ли ты ханжи?—
— А ежели и пью,
Кому какое дѣло?—
— Ты губишь жизнь свою,

Рискуя ею смѣло!
Употреблять ханжу
Опасно, милый другъ,
И я тебѣ скажу,
Что ты ослѣпишь вдругъ!
Тутъ пѣкая ханжа,
Сидѣвшая въ сторонкѣ,
Ушко настоорожа,
Сказала компаньонѣ:
— Отсталый взглядъ такой
Невѣренъ и нелѣпъ:
Хотя меня ханжой
Зовутъ не безъ причины,

И хоть отъ чаръ моихъ
Пьянѣютъ всѣ мужчины,
Но ни одинъ изъ нихъ
Покуда не ослѣпъ!—

Читатель, басни сей
Нравоученье ясно:
Чтобы душѣ твоей
Печаль была чужда,—
Запомни, дорогой,
Что пить ханжу опасно,
Но флиртовать съ ханжой
Не вредно иногда!

Wega.

ДАВНО ТАМЪ.

У графини Целестины—
Обликъ плачущей Мадонны,—
Хоть ниши съ нея картины,
Хоть ниши съ нея иконы.
По графининымъ владѣньямъ
Льетъ дождь благодѣяній
И страдаютъ ожирѣньемъ
Всѣ графинины пейзажи.
Не страшна ей чорта лапа,
Ей не страшень адъ кромѣшній!..
— Ахъ, она, какъ римскій папа,—
Положительно безгрѣшна!
День и ночь, за нею чинно
Ходятъ слѣдомъ два аббата,
Охраняя Целестину—
Отъ грѣха и конкубата.
И напрасно трубадуры
Ждутъ отвѣта Целестины,—
Эти пылкія натуры
Только портятъ маンドлины.
И напрасно юный герцогъ
Руку съ сердцемъ шлетъ графинѣ,—

— И рука его и сердце
Остаются съ нимъ донынѣ.

Нѣкій бѣсъ—худой и злобный,—
Увидавъ графиню, очень
Безпорочною подобной
Былъ немедля озабоченъ
И промолвилъ, ротъ разиня:
— «Вотъ, такъ штука?!—Что такое?!
«Ужъ не хочеть ли графиня,
«Въ самомъ дѣлѣ, стать святою?!»
— Хоть аббаты съ чортомъ—рѣзки,
Хоть «всему—свои границы»,
Все-жъ рѣшилъ сей бѣсъ премерзкій
Въ эту барыню вселиться.

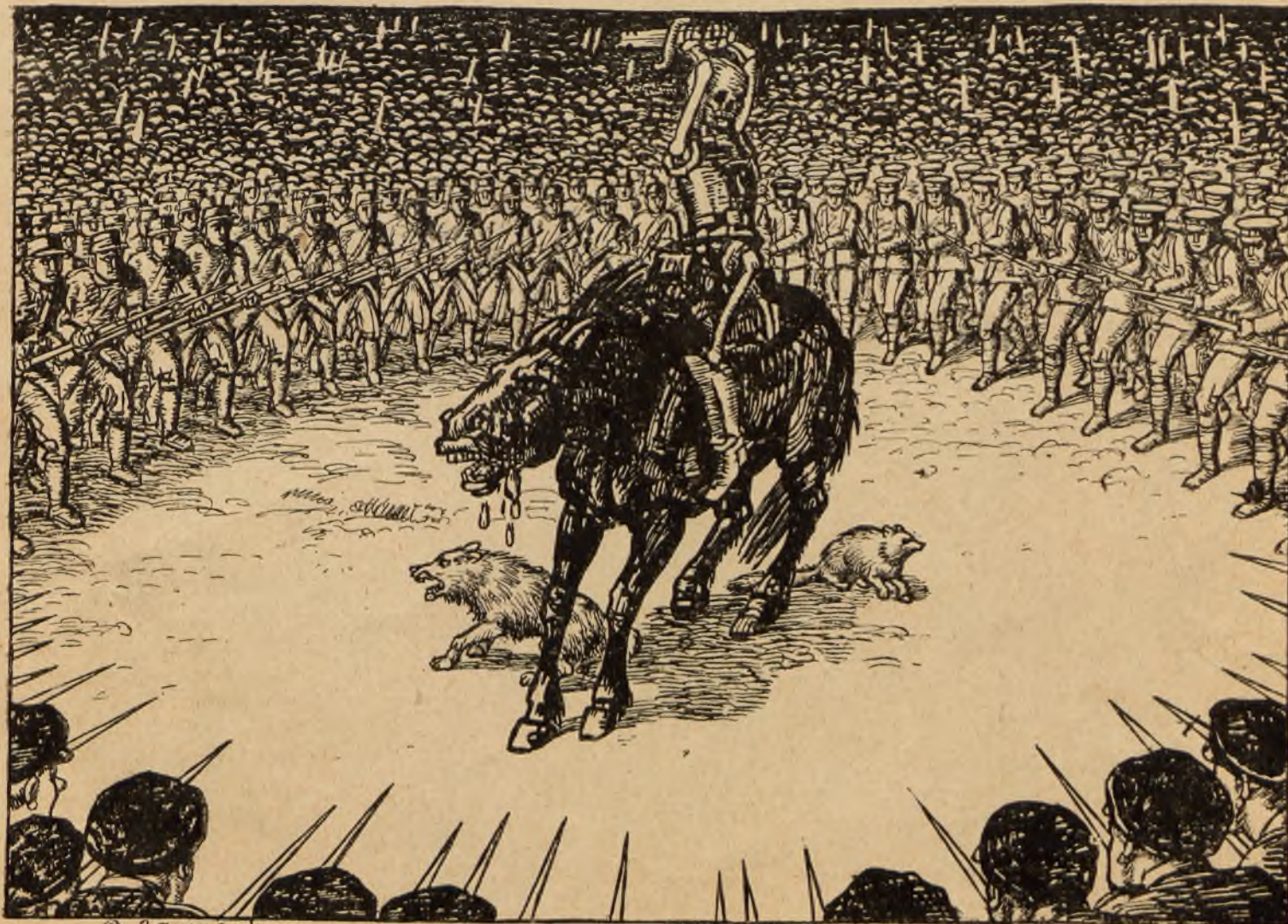
Надо тутъ замѣтить кстати,
Что дворецкій для графини
На ночь ставилъ у кровати
Квасъ въ золоченномъ графинѣ,—

Мигомъ сказавшись, что есть мочи,
Въ этотъ квасъ и прыгнулъ дьяволь.
И до самой поздней ночи
Въ квасѣ клоковенномъ проплавалъ.
А графиня, послѣ торта,
Осушивши квасъ весь разомъ,—
Мерзопакостнаго чорта
Проглотила вмѣстѣ съ квасомъ!..

Чортъ же, съ квасомъ изъ графина
Переѣхавши въ графиню,
Разсуждалъ, смѣясь безчинно,
— «Какъ погубить онъ разино.
«Какъ потащить въ адъ дѣвицу,
«Безо всякихъ привилегій,—
«Какъ при этомъ будутъ злиться
«И завидовать colleg'i...
«Какъ...» И вздрогнулъ онъ отъ крика:
— «Эй, пріятель, лѣзь свободнѣй...
«Да ужъ, кстати, расскажи-ка—
«Какъ у насъ тамъ—въ Преисподней?!»

Н. Агнивцевъ.

Рис. В. Замирайло.

Затравили.

П Ъ С Н Я.

Сердце вольно,
Какъ жаворонокъ въ полѣ.
Что же болѣ
Полю, и недоволю?
Срѣзанъ колось,
И яблонь тяжелѣть.
Грустью вѣть

Далекій волчій голосъ.
Было слаще
Надѣяться, и въ грезахъ
Пѣть о розахъ,
О земляникѣ въ чащѣ.
Сердце пѣжно
Для страстнаго волненья.

Утоленье,
Какъ счастье, безнадежно.
Срѣзанъ колось,
И каждый листъ желтѣть...
Грустью вѣть
Далекій волчій голосъ.

Яковъ Годинъ.

— Можно-ли дѣлать такія густыя сборки на юбкѣ!.. Мишель говоритъ, что это производитъ впечатлѣніе, какъ будто-бы обнимаешь своего кучера.

Б. Григорьевъ.

ЖАРКАЯ ДИКТОВКА.

Релетиторъ (диктуеъ): И Цезарь, падая, возкликнулъ: «И ты Бругъ... гуляеъ съ Надей на бульваръ».

П. Е. Щербовъ.

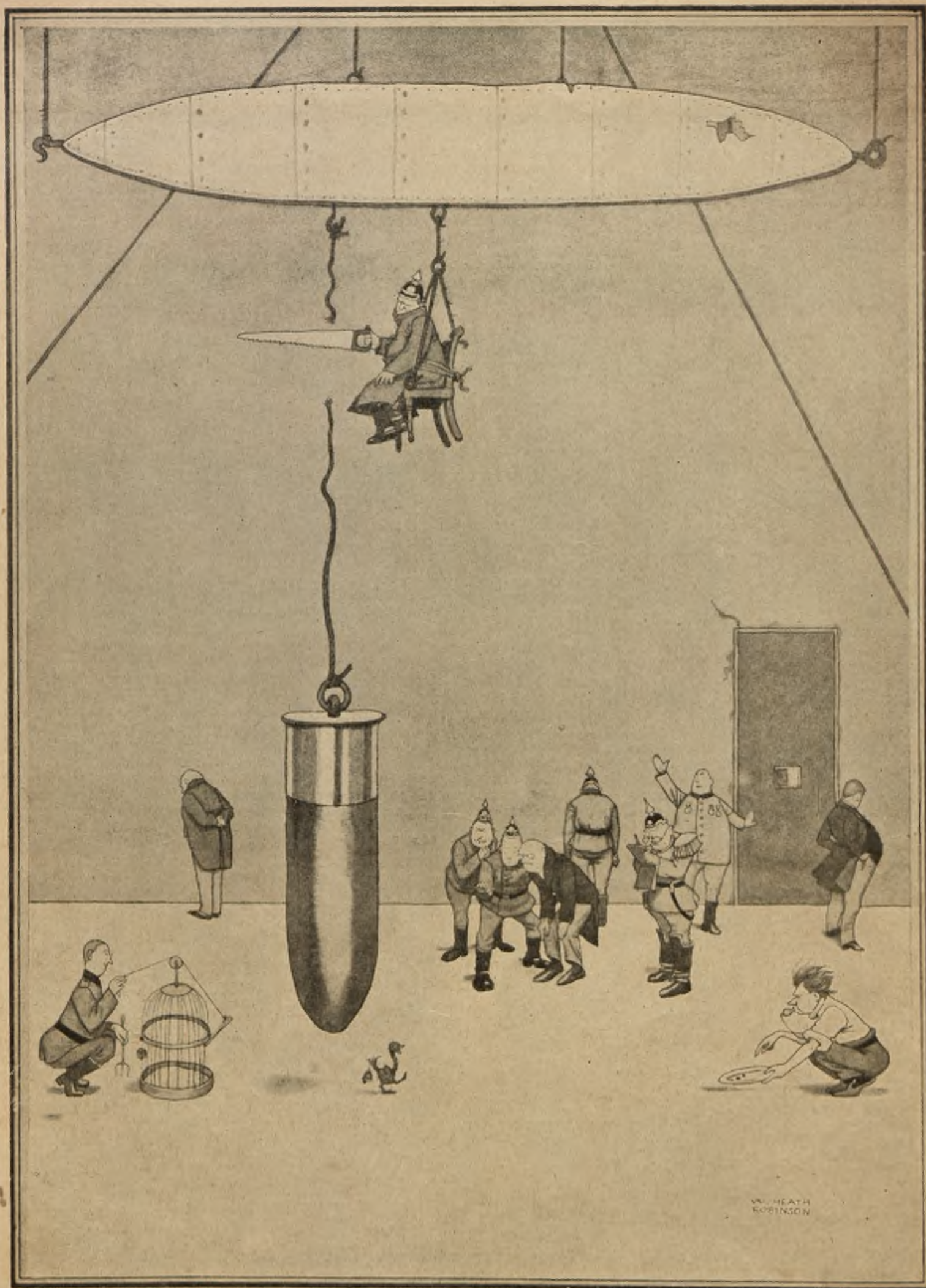

НА ДАЧЬ.

— Охъ, и опротивѣли они мнѣ все—уйти отъ грѣха.
За столомъ. Фу... Наконецъ, ушелъ этотъ смертный грѣхъ.

На вечерних классахъ для бомбометателей у графа Цепелина.

Смотрины прежде и теперь.

Въ доброе старое время, въ Духовъ день, ежегодно устраивалось торжественное гуляніе невестъ по Лѣтнему саду, съ цѣлью показанія себя такъ называемымъ женихамъ, т. е. упорно желающимъ вступить въ бракъ мужчинамъ.

Въ эту отдаленную отъ насъ эпоху урожай на жениховъ былъ такъ великъ что они, какъ саранча, покрывали до-

рожки сада и, если-бы не бдительность сторожей,—подломали бы подъ собой всѣ скамейки, потоптали бы газоны, опрокинули статуи.

Что и говорить, грандіозныя были смотрины!

Женихи стоятъ, сидятъ и смотрятъ а передъ ними длинной вереницей тянутся невесты съ сопровождающими ихъ дуэньями.

Роль конферансье этого единственного въ своемъ родѣ спектакля играли всезнающія свахи.

Какъ пикады, вьются онѣ между женихами, поютъ и стрекочатъ имъ въ уши: — За этой столько-то движимаго,

столько-то недвижимаго, лисій салоупъ, магазинъ монументовъ.

— У этой, что впереди, сундуки отъ добра ломаются, шкафы трещать, шуба на енотахъ.

— Эта, что позади, у своихъ родителей одна одинешенька. Все ейному мужу достанется.

А ежели кто станетъ смущать, что будто окромя ея еще пять дѣвокъ у тетки въ Тамбовѣ запрятаны, такъ вы тому прямо въ глаза наплюйте...

Поневоля у неопытнаго молодого человека голова кругомъ пойдетъ, и не успѣетъ онъ оглянуться, какъ ужъ окажется крѣпко на крѣпко просватаннымъ, если только не догадается нырнуть съ разбѣга въ озеро, живописно расположенное у самаго выхода.

Теперь не то..

Никто больше не пойдетъ смотрѣть въ Духовъ день въ Лѣтнемъ саду невесту, такъ какъ гораздо удобнѣе можно это сдѣлать въ любой день недѣли на остановкѣ трамвая, когда барышня, которую вамъ заочно сватаетъ какая нибудь родственница, съ портфелемъ подъ мышкой торопится утромъ на службу.

Это вамъ не шуба на енотахъ. Тутъ и фигуру во всѣхъ ракурсахъ увидишь, характеръ дѣвицы узнаешь.

Вотъ она прыгаетъ на ступеньку, протискивается на площадку, безропотно выноситъ толчки справа и слѣва.

— Хорошая жена будетъ.—Одобрительно шепчетъ сваха.

Говорила я вамъ Иванъ Петровичъ: женитесь на Катенькѣ Горностаевой, а вы все: не знаю, да посмотрю.

Вотъ она вся какъ на ладони!

Впрочемъ, обыкновенно приходится наблюдать обратное, то есть не женихи смотрятъ на невестъ теперь, а невесты высматриваютъ жениха.

Богатя, массовыя смотрины—модернъ происходятъ на Стрѣлкѣ на закатѣ солнца.

Пыхтятъ автомобили, фыркаютъ лошади, колеблется на воздухѣ эспри и паради.

Дамы бѣсятъ другъ друга новыми туалетами. Катающіяся глумятся надъ гуляющими, гуляющія издѣваются надъ катающимися.

— Надѣла на кринолинъ старый бухарскій халатъ и воображаетъ, будто это «выходное платье въ русскомъ стилѣ».

Слышите, рассказываетъ кому-то, что модель платья премирована.

— Смотрите, у этой черненькой юбка клошъ, а жакетъ не фальдить. Ужъ лучше-бы совсѣмъ не одѣвалась!

— Развѣ не преступленіе обшивать себя шляпы кожанными бантами, когда нашъ бѣдный народъ безъ ботинокъ сидитъ!—тщетно взываетъ къ небу хорошенькій членъ общества борьбы съ роскошью въ послѣднемъ creatіon отъ Пакена.—Вдругъ въ толпѣ смятеніе:— Женихъ летитъ—невесты, ихъ родственники, кучера, шоферы, собаки, лошади—всѣ задрали головы; смотреть, ждуть.

Высоко надъ землею равнодушно планируетъ аэропланъ.

М ю р г и т ь.

Рис. Н. Николаевскаго.

Редакторъ-издатель М. А. Суворинъ.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“.

Эртелевъ, 18

